

**Арту
Рамазанов:**
«Будем выпускать
самые качествен-
ные и надежные
лифты в России».

(С. 4)

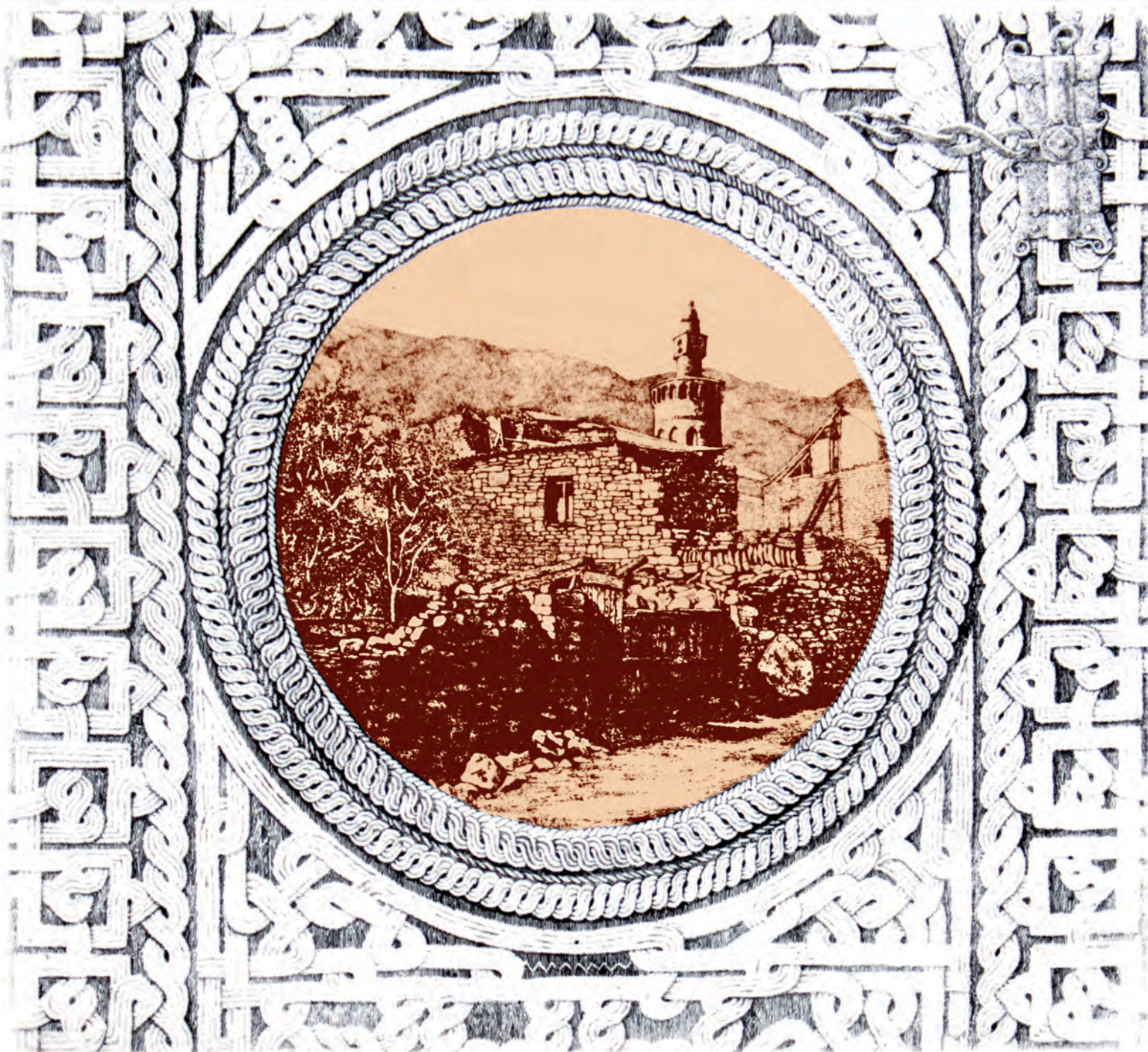

**Вагиф
Диярханов:**
«Республика, не за-
тратив ни копейки,
построила систему
фотовидеофиксации».

(С. 12)

ДАГЕСТАН

№7 (142)
ИЮЛЬ 2017
journaldag.ru

Из собрания Музея истории города Махачкалы

№ 8070. Лезгины продавцы лезгинскихъ шалей. 410

Колонка неглавного редактора

Большие тексты живы

Кругом засилье короткого метража. Даже фейсбук уже напрягает, твиттер рудит. Большой сюжет в кино дробится на сезоны и серии, сами же серии словно сотканы из мелких клипов. Камера мечется от плана к плану, как будто оператор лечат электричеством. Скорей, скорей, некогда, не останавливаемся. Все должно мелькать, как столбы за окном вагона.

Та же тенденция не только в литературе, кино, театре, но и в спорте. Шорт-трек, пляжный волейбол, «быстрые» шахматы, бои без правил – давай, шустри. Нам некогда смотреть, как вы топчетесь двенадцать раундов по правилам маркиза Квинсберри.

Лонгрид, он же «многобукаф, ниасилил», напротив, не в почете. Толстые книги, длинные мелодии – в сторону. Фильмы плавные, долгие, как поездка на дрезине в «Сталкере» Андрея Тарковского, пока еще берут фестивальные призы, но прокат, как правило, к ним безжалостен.

Если честно, до сих пор не понимаю, как провались к читателю и зрителю Дж.Р.Р. Толкиен со своим «Средиземьем», роулингсоновский Гарри Поттер и престолы Джорджа Мартина. Грешу на экзотику и небывальщину. А еще – на ностальгию по бабушкиным сказкам на ночь. Но и бабушки нынче пошли приткие, им не до убаюкивающего бормотанья над ухом внуков. Да и те как-то рано, едва выпрыгнув из подгузников, погружаются в виртуал и мультимедийность и не спешат выныри-

вать. Иначе как бы еще чудовища Уолта Диснея, «Pixar» и «DreamWorks» похоронили все приличные сказки вместе с Чебурашкой, Иваном-дураком и Моллой Насретдином.

Казалось бы, длинные тексты теряют тебя, читатель. Ладно бы книги: в тиражных газетах и журналах куцые публикации затерты и забыты рекламой так, что бедных серых буковок и не видно. Мысль, если она вдруг случайно присутствует, сжата до заголовка. Но чаще примерно так: «Новый детектив Дарьи Донцовой! Убийца – дворецкий!».

Но есть, есть где отдохнуть утомленному мельтешением глазу. Посмотрите: в каждой уважающей себя дагестанской газете есть хорошая традиция – писать много, с размахом, на всю полосу. Чаще не важно, о чем, главное – сколько. Простыни пространных размышлений, где нить повествования то причудливо петляет прерывистым пунктиром, то стремительно ныряет куда-то вглубь, чтобы уже не всплыть. Но ведь это не только пишут, но и читают, я точно знаю! Так что, *longlive, longread!* Да здравствуют большие тексты и ты, дагестанский читатель, который от них не отвык!

...Извини, читатель, мой персональный лимит на длину текста весь вышел. Но не расстраивайся: у нас весь журнал – сплошной лонгрид. Сам глянь.

Дмитрий Горбанев

Содержание

- Андрей Меламедов*
4 Умный в гору не пойдет.
Поедет на лифте
- Наида Хаспулатова*
12 Безопасный город.
«Письма счастья»
- Генезис*
18 Сергей Лугуев.
Этика этноса
- Влада Бесараб*
30 Портал || Знаки
- Тамерлан Магомедов*
37 Дороги,
которые мы выбираем
- Влада Бесараб*
40 Актеры,
правьте ремесло
- Магомед Бисавалиев*
46 Тайная тетрадь.
Выживший

Фото в номере: Руслан Алибеков,
Гаджикурбан Расулов,
из собрания Музея истории города Махачкалы

16+

ДАГЕСТАН

№7(142) июль 2017 г.

Выходит с августа 2002 года

УЧРЕДИТЕЛЬ
Министерство печати
и информации
Республики Дагестан

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
М.И. АЛИЕВ

АДРЕС РЕДАКЦИИ И ИЗДАТЕЛЯ:
367000, г. Махачкала, ул. Буйнакского, 4, 2-й
этаж (Союз писателей Дагестана)

Телефоны:
67-02-03 (главный редактор)
67-02-08 (отделы)
E-mail: dagjur@mail.ru

НАШИ РЕКВИЗИТЫ:

Получатель: ИНН: 0562053040
КПП 057201001
УФК по РД (ГБУ РД «Редакция журнала
«Дагестан» л/с 20036Ш60490)
Банк: ГРКЦ НБ РЕСП. ДАГЕСТАН
БАНКА РОССИИ г. Махачкала
Р/С 40601810100001000001,
БИК 048209001
Назначение платежа:
13500000000000000130
(л/с 20036Ш60490)

48 Разве так можно, папа?!

Магомед-Расул

56 Самураи

Марина Курсанова

51 Кумир. Сестры

Юлия Зачесова

60 Лирика

Джейран Багандова

54 Готический собор

Дамир Саидгазин

62 Поэзия

Евгения Коробкова

Журнал зарегистрирован Южным окружным межрегиональным территориальным управлением Министерства РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций – свидетельство ПИ № 10-4793 от 23 июля 2002 года.

Перерегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций – свидетельство ПИ № ФС 77-36557 от 05 июня 2009 года.

Перерегистрирован Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи,

информационных технологий и массовых коммуникаций по Республике Дагестан. Свидетельство ПИ № ТУ05-00346 от 16 сентября 2016 года.

ОГРН 1020502629927

Номер сверстан на компьютерной базе журнала «Дагестан».

Отпечатан в типографии ООО «Издательство «Лотос». Адрес типографии: 367000, РД, г. Махачкала, ул. Петра I, 61.

Подписной индекс:
на год – 63280,
на полугодие – 78434.

Периодичность – ежемесячно

Цена номера в киосках «Дагпечати» – 50 руб., у распространителей – свободная.

Усл. п. л. – 8,5.
Тираж – 1200 экз.
Номер заказа –
Дата выхода –

Андрей Меламедов

УМНЫЙ В ГОРУ НЕ ПОЙДЕТ. ПОЕДЕТ НА ЛИФТЕ

Несколько лет назад знакомый строитель рассказывал, что дом, в котором хочешь купить квартиру, надо выбирать по лифту.

– Если лифт плохонький – это верный признак того, что застройщик и с арматурой нахимичил, и бетон использовал самой низкой марки.

Я тогда, помню, засомневался в универсальности метода, предположив, что умный застройщик, сэкономив на всем, обязательно закажет классные лифты – хотя бы в качестве приманки для продвинутого покупателя.

– Не закажет, – стоял на своем строитель. – Тут ведь как – начал химичить, и уже остановиться не можешь, очень этот процесс затягивает.

Разговор этот я вспомнил на днях, во время экскурсии по цехам Кизлярского электроаппаратного завода (КЭАЗ), где недавно начали выпускать лифты.

и маму мою лишний раз не вспоминали». Другой же сразу начинает торговаться. Зеркало, говорит, убери, поручни вот эти не ставь, отделку подешевле сделай, а мне скидку побольше организуй. Таким я сразу отказываю, хотя мы в начале пути, и я вроде бы должен стараться каждому потенциальному покупателю угодить по максимуму. Лифт ведь не на один год делается. И не на два. Срок службы каждого изделия – 25 лет. И все эти годы они будут работать в качестве живой рекламы нашего завода. И еще один момент.

– Заказчики, они ведь разные, – уверяет генеральный директор предприятия Артур Рамазанов, показывая готовые образцы. – Один просит: «Ты мне самые лучшие лифты давай, чтобы люди радовались

С самого начала мы решили, что будем выпускать самые качественные и надежные лифты в России. И если вдруг на старте начнем халтурить, эту задачу никогда не выполним. Я по профессии экономист, но уже

много лет работаю в строительстве, у меня своя компания строительная есть. Знаю, что попытки сэкономить на стройматериалах всегда оборачиваются сначала потерей качества, а потом и потерей репутации.

Директором завода Рамазанов стал в 2015 году. От предыдущих руководителей ему достались старые цеха, станки, выпущенные в середине прошлого века, и запущенная территория с кучами мусора. Так что начинать пришлось с уборки и наведения элементарного порядка. Вывозили «камазами» мусор, делали ремонт, вставляли разбитые стекла.

Неожиданно выяснилось, что заводу принадлежат заросшие камышом пруды, расположенные рядом с производственными корпусами. Раньше в них выращивали товарную рыбу, но потом они пришли в запустение и потихоньку начали превращаться в болота. Новая команда камыш выкосила, коллекторы прочистила и запустила в пруды мальков сазана, толстолобика и белого амура. Последний как раз питается камышом и когда подрастет, очистку возьмет на себя, так что в будущем пруды зарастать уже не будут. Уже в следующем году планируют обеспечить своей рыбой рабочих предприятия, а в недалеком будущем – поставлять ее в торговые сети.

Параллельно Рамазанов пытался решить главную задачу, стоящую сегодня перед каждым директором, – найти новые рынки сбыта. А в идеале – организовать выпуск продукции, за которой бы покупатели сами приезжали на завод. Поначалу получалось не очень, и поэтому в командировках он времени проводил больше, чем в Кизляре. На некоторых предпри-

ятиях, к примеру, на Карачаровском механическом заводе, занимающемся выпуском лифтов, Рамазанов чуть ли не прописался, приезжая туда практически каждый месяц. Да и на остальные лифтовые заводы страны и ближнего зарубежья он выезжал регулярно, согласовывая поставки и продвигая собственную продукцию.

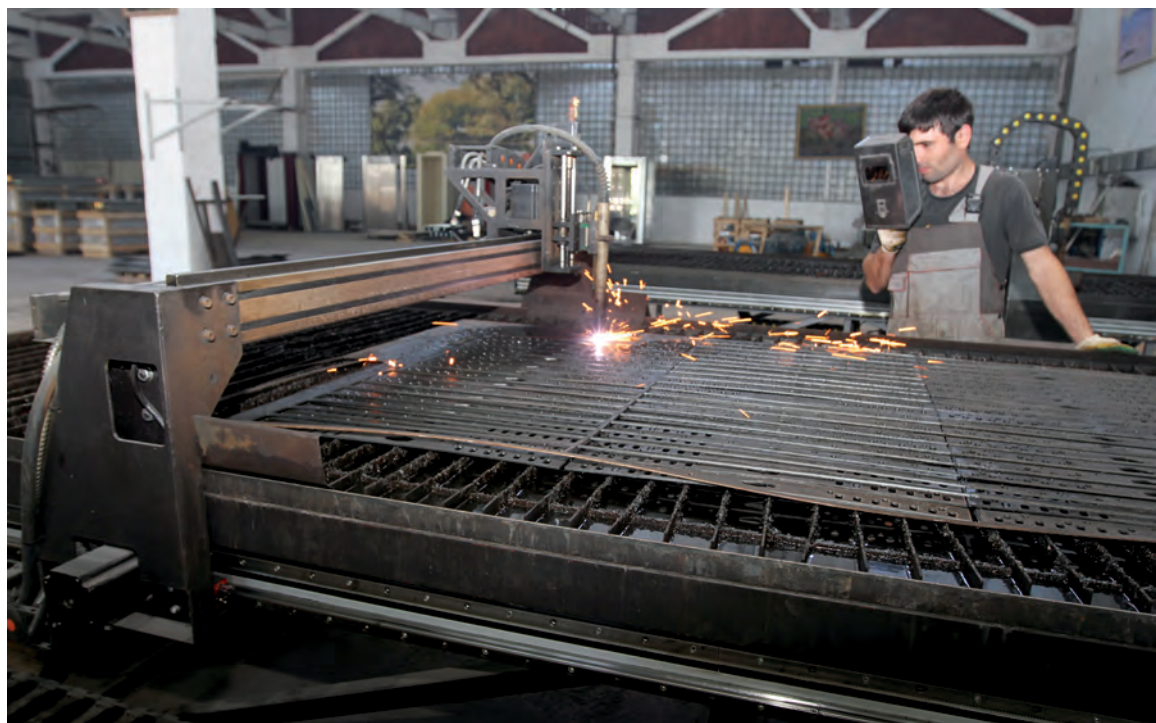
Тут надо кое-что объяснить, чтобы читатель понял, почему КЭАЗ оказался тесно связан именно с лифтовой отраслью. В свое время завод считался предприяти-

Главная задача, стоящая сегодня перед каждым директором, – найти новые рынки сбыта

ем уникальным – здесь производили микропереключатели и все необходимое электрооборудование для всех без исключения станков,

выпускаемых в СССР. Конкурентов у КЭАЗа не было, других заводов, выпускающих аналогичную продукцию, в стране просто не существовало.

В то время на заводе трудились более полутора тысяч человек, завод работал в две смены, а некоторые цеха так и вовсе круглосуточно. Охраняли предприятие очень строго – для производства контактов здесь использовалось серебро, а драгметаллы при социализме были на строгом учете и контроле. Мне приходилось в те годы подолгу

ждать, пока выпишут временный пропуск, без которого попасть на территорию было абсолютно нереально. И каждый раз тогдашний директор предприятия жаловался на то, что плановые задания каждый год растут и растут. «Если так пойдет дальше, – говорил он, – лет через десять в стране придется еще один такой завод открывать, мы точно не потянем, уже сегодня зашиваемся».

«Если бы мне в то время кто-нибудь сказал, что вскоре мы останемся практически без работы, – грустно улыбается Надежда Воробьева, начальник одного из ведущих цехов, – я бы не поверила ни за что. Но, как оказалось, в жизни может случиться всякое, чего даже представить себе невозможно».

Упадок на предприятии наступил сразу с началом пере-

Продукцию КЭАЗа активно подделывают конкуренты

стройки. Как известно, в начале 90-х первой под нож попала станкостроительная отрасль – главный потребитель продукции кизлярцев. И заказы для КЭАЗа в одночасье остались в прошлом. Помню, тогдашний заведующий отделом промышленности «Дагправды» Михаил Шульгин дал мне почитать аналитическую справку, составленную в Министерстве промышленности РД. Там был солидный список республиканских заводов, которые, по мнению спецов из министерства, перестройку точно не переживут и в итоге будут остановлены. Кизлярский электроаппаратный там тоже значился, вместе

с махачкалинским приборостроительным, «Дагэлектромашем» и многими другими.

Но, в отличие от своих соседей по списку, которые действительно были закрыты и распроданы, КЭАЗ этой печальной участи избежал и, несмотря на тяжелые времена, выжил. Да, штаты на заводе урезали почти на порядок. Да, территория пришла в запустение, а станочный парк устарел. Но при всем этом завод остался на плаву и продолжал работать. Спасло его направление, которое при социализме считалось вспомогательным, – производство электрооборудования для лифтов. Их выпуск хоть и сократился поначалу, но потом потихоньку вышел на прежний уровень,

а затем и вовсе стал стремительно расти на волне строительного бума, случившегося в стране. А поскольку лифт без электрооборудования – это мертвая кабина, висящая на тросах, лифтовая отрасль потихоньку начала вытаскивать кизлярский завод из ямы.

Нашлась у завода и еще одна точка опоры. Оказалось, что изделия, выпускаемые здесь, не только могут успешно конкурировать с лучшими западными образцами, но по некоторым показателям и превосходят их. И сегодня продукция КЭАЗа остается образцом высокого качества и надежности. Именно поэтому ее активно подделывают конкуренты. Некоторые открыто, другие скрытно. Китайцы, к примеру, повторяют все – вплоть до надписей на маркировке и упаковочной таре. А на Украине, где уже после перестройки построили аналогич-

В рамках программы капремонта в Дагестане поменяли 15 старых лифтов. Но за время ее действия истек срок эксплуатации более чем у трех десятков

ный завод в Белой Церкви, пишут на своих изделиях – «Аналог микропереключателей КЭАЗ».

Но, несмотря на востребованность продукции и ее высокое качество, объемов заводу катастрофически не хватало. Время от времени часть рабочих приходилось отправлять в вынужденные отпуска с сохранением 70% зарплаты. Чтобы не делать этого, новое руководство попыталось пойти путем создания вспомогательных производств. Так, например, на заводе появился собственный ножевой цех. Но все это ненамного улучшило финансовое положение предприятия: кардинальных изменений так и не произошло.

– Я прекрасно понимал, – рассказывает Артур Рамазанов, – что нам нужно найти востребованное изделие, выпуск которого позволит забыть о финансовых проблемах. И не мог найти, хотя все это время

оно было у меня перед глазами. До какого-то времени я не обращал внимания на то, что все лифтовые предприятия работают в две-три смены, а выпущенная ими продукция практически не залеживается на складах. Все уходит с колес, на некоторых заводах даже очереди заказчиков наблюдаются. Начал наводить справки и выяснил, что все российские заводы в год производят примерно 25 тысяч лифтов. Еще столько же продукции ввозится в страну из-за рубежа. И всего этого едва хватает на то, чтобы обеспечить все новостройки.

А ведь есть еще старые изделия, сроки эксплуатации которых

давно истекли. Знаете, сколько таких в стране? Целых 350 тысяч. Их, конечно, меняют, но ситуация лучше от этого не становится. Простой пример: в рамках программы капремонта в Дагестане поменяли 15 старых лифтов. Но за время ее действия истек срок эксплуатации более чем у трех десятков. Такая вот статистика. Ну я и решил наладить выпуск лифтов в Кизляре. База есть, грамотные инженеры-конструкторы имеются, вроде никаких проблем возникнуть не должно. Дело оставалось за малым – найти специалистов, которые помогут нам все это правильно организовать.

В реальности же эта «небольшая» проблема оказалась серьезным камнем преткновения. Как выяснилось, хороших специалистов по лифтам в стране не очень много, к тому же все они активно востребованы. В какой-то момент Рамазанов почти потерял надежду найти такого человека, и тут во время очередной командировки вдруг услышал имя Олега Иосифовича Мукана. «А кто это?» – поинтересовался он. «Да ты что, Мукана не знаешь?» – удивился собеседник. – Это лучший

знаток лифтов в стране, первый разработчик гидравлических лифтов в России. Сейчас ему уже около семидесяти, но мужик крепкий и очень активный. До недавнего времени, если не ошибаюсь, работал куратором самого крупного в Европе лифтового завода в Могилеве».

Рамазанов Мукана отыскал, встретился с ним. Контакт возник сразу, поскольку конструктор про кизлярский завод знал, и качество выпускаемой продукции оценивал весьма высоко. «Если вы и лифты с таким же качеством собираетесь

делать, – сказал он в конце беседы, – то я вам, конечно, помогу».

Так Мукан стал официальным куратором КЭАЗа, регулярно бывает в Кизляре, контролирует все стадии производственного процесса. Грамотный специалист, он оперативно подготовил чертежи сразу нескольких лифтов, грузоподъемностью от 200 до 1500 килограммов, подсказал, где и какие комплектующие следует приобретать. Естественно, самые лучшие и надежные, потому что хороший лифт из плохих деталей не соберешь.

«Смотрите, – с гордостью рассказывает директор лифтового производства Гусен Ибрагимов, – механизмы дверей у нас немецкие, фирмы «Wittur», лучше них в мире пока ничего не придумали. Все лебедки с частотными переключателями. Можно, конечно, и без них лебедки использовать, это ощутимо дешевле, но тогда не удастся добиться плавности хода лифта. А это вот наша собственная разработка – балки для торможения кабины, на них, соб-

ственно, держится лифт. Если вдруг по каким-то причинам скорость движения лифта превысит расчетные параметры – один метр в секунду – моментально сработают стопоры, и кабина остановится. Обратите внимание: вот тут и тут мы устанавливаем дополнительные элементы жесткости.

Даже западные производители так о безопасности своих клиентов не заботятся

Даже западные производители так о безопасности своих клиентов не заботятся. Правда, они абсолютно точно знают,

что через 25 лет их лифты заменят на новые, ну а у нас они эксплуатируются и 30, и 40 лет, и поэтому мы должны закладывать дополнительные расходы на российский пофигизм. Никто нас этого делать не заставляет, это наши заморочки, связанные с желанием выпускать супернадёжную продукцию.

Турки и китайцы, к примеру, кабины собирают из металлического листа толщиной всего 0,8 мм. В принципе, и этого хватает, но вот только лет через пять эти лифты начинают дребезжать, и от этой «музыки» не избавиться никак. Мы же используем

производителей или поставщиков лифтов из Китая и Турции. Единственный реальный конкурент в этом плане – Могилевский лифтовый завод. Но и он, по большому счету, с кизлярцами по ценам соперничать не может: белорусские лифты продаются в России процентов на 10 дороже. Очевидно, ажиотажный спрос сегодня позволяет производителям слегка завышать цены на свою продукцию.

Для организации производства предприятие закупило

металл вдвое толще. Так что наши кабины и через 10, и через 20 лет будут «тихими». Вроде бы мелочь, но именно из них складывается качество.

Смотрите, на участке порошковой покраски мы установили пескоструй. Вроде бы и необязательный элемент, но опыт конкурентов говорит, что без пескоструя даже порошковая краска лет через десять начинает «лупиться». В общем, как видите, у нас все нацелено на качество и надежность. При этом более 70% комплектующих производим сами, закупаем только механизмы дверей, лебедки, тросы и направляющие».

При всем при этом цены на кизлярские лифты процентов на 20 ниже, чем у российских же

Наши кабины и через 10, и через 20 лет будут «тихими». Вроде бы мелочь, но именно из них складывается качество

лазерный комплекс раскройки металла, автоматическую линию покраски. Заказаны и готовятся к отгрузке современные листогибочные станки, автоматический сварочный комплекс, самые современные обрабатывающие станки с ЧПУ.

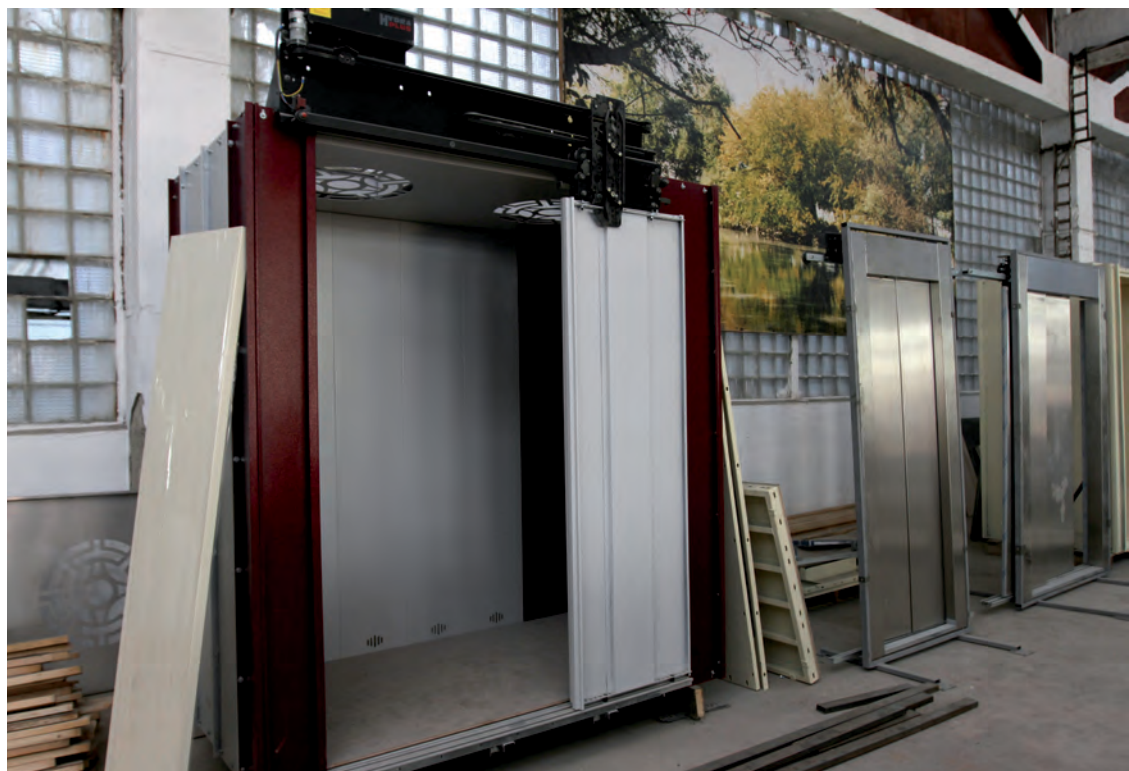
По словам Артура Рамазанова, подбор необходимого оборудования осуществляется через специализированную фирму. Первоначально директор пытался определиться с подбором оборудования сам, встречался с представителями фирм-производителей, даже на выставки ездил. И убедился, что самостоятельно сделать выбор нереально – слишком много подводных камней.

К примеру, для изготовления лифтовых кабин разработаны специальные линии, обслуживаемые всего двумя роботами. Но вот фирм, занимающихся наладкой

и сервисом такого оборудования, в России пока нет. И значит, надо искать нечто попроще. Так, прекрасные немецкие станки с ЧПУ закупать в Кизляр сразу отсоветовали. Сервисная база фирмы, занимающейся их выпуском, находится в Москве, а ее специалисты по регионам не ездят. Значит, надо возить дорогостоящие станки на ежегодную профилактику в Москву, а это более полумиллиона рублей. Поэтому намного выгоднее купить турецкий аналог. Разница в качестве производимой продукции минимальная, но при этом ремонтная база находится в Ростове, а специалисты готовы приехать для профилактики и ремонта. Кроме того, они прямо на месте производят обучение местных работников, что также важно.

Рамазанов это хорошо понимает, поскольку в ходе подготовки производственного процесса был вынужден посылать работников предприятия на обучение в Турцию. За счет предприятия, само собой. Снова расходы.

Первые лифты КЭАЗа закупили для домов, построенных по программе переселения

из ветхого жилья, – на месте бывшего ипподрома. При этом осматривавший их заместитель министра строительства и ЖКХ РФ, главный жилищный инспектор страны Андрей Чибис оценил их очень положительно, сказав, что даже не предполагал, что в Дагестане способны производить лифты такого качества. Сразу после этого

у Рамазанова прямо тут, на площадке, заказали еще несколько комплектов.

Пока продукцию кизлярского завода приобретают в основном дагестанские

Пока продукцию кизлярского завода приобретают в основном дагестанские строители, но на предприятии уже начали появляться представители и из других регионов.

строители, но на предприятии уже начали появляться представители и из других регионов. Некоторые из них заявили о своей готовности к сотрудничеству, но представители КЭАЗа адресов предполагаемых поставок пока не называют, боятся спазнить. До конца года здесь планируют выпустить первые сто лифтов. После поступления заказанного оборудования и обучения персонала (а необходимо подготовить порядка 35–40 новых работников) здесь планируют выйти на объем около 500 лифтов в год.

Найда Хаспулатова

«ПИСЬМА СЧАСТЬЯ»

Буквально три года тому назад горячим дагестанским водителям вдруг начали приходить «письма счастья» – постановления о штрафах. Для большинства это было непривычно – все привыкли притормаживать перед постом или при виде людей в форме, в случае чего разбираться с инспекторами ГИБДД, и разбирались по-разному. А тут – фотография твоей машины, нарушения... Поспорить, конечно, можно, но фотофакт – вещь упрямая.

На самом деле Дагестан с внедрением этой системы запоздал. В цивилизованном мире она действует уже давно. Да и в России старт программе «Безопасный город» был дан Президентом России Владимиром Путиным еще в 2005 году на заседании Совета Безопасности. Причина очевидна: в России с населением 150 миллионов человек

за год на дорогах гибнут 27 тысяч человек. В Евросоюзе, где 530 миллионов – 25 тысяч погибших. Огромная разница, а причины две – менталитет водителей и плохие дороги. Плохие дороги – это тема другой статьи, а менталитет, если он опасен для жизни, надо менять.

Система фотовидеофиксации активно развивалась во всех регионах, однако в нашей республике была внедрена одной из последних, о чем неоднократно говорилось на совещаниях в федеральном МВД. У бюджета просто не было денег на эти дорогостоящие комплексы, поэтому у нас решили пойти другим путем. Директор ГКУ «Безопасный Дагестан» Вагиф Диярханов рассказывает, как без денег удалось выстроить современную систему:

– У нас в республике систему начали внедрять в 2014 году. Однако Дагестан одним из первых в России начал развивать систему фотовидеофиксации именно

рядчика на предмет бесперебойной и безошибочной работы комплекса. Инвестором стала известная московская компания «Маукоп». Таким образом, республика, не затратив ни копейки, сегодня построила систему фотовидеофиксации и получает штрафы в республиканский бюджет.

Стационарный пункт этой системы, оборудованный камерами, называют «рубежом контроля». Мне, как гуманитарии, не совсем понятно, почему, но название придумали не в Дагестане. Первые рубежи контроля появились у нас совсем недавно, в 2014 году. Координирует эту работу, связывает между собой коммерческие и государственные структуры и контролирует их взаимодействие государственное учреждение «Безопасный Дагестан». Пока система внедрена только в Махачкале и на некоторых участках федеральных трасс. Диярханов рассказывает, что сейчас в Махачкале установлено

за счет инвестора в рамках инвестиционно-сервисного государственного контракта, заключенного в феврале 2014 г. Контракт – это экономически выгодное решение, немаловажный фактор, позволяющий сократить расходы бюджета на закупку и обслуживание оборудования, повышающий качество эксплуатации. Заодно сокращается время устранения неисправности, так как все вопросы с установкой, обслуживанием и ремонтом решает подрядчик. Наша задача совместно с ГИБДД – выбрать места для установки, где наблюдается высокая аварийность, и в дальнейшем контролировать под-

15 рубелей контроля –10 скоростных и 5 для контроля перекрестков, внедрены также 6 мобильных передвижных комплексов видеокамер на аварийных участках федеральных трасс. Сейчас занялись новым направлением – следить за парковкой. Насколько плохо обстоит с этим дело, знают все махачкалинцы – половина городских дорог забита стоящими машинами.

– Мы запустили в аэропорту «Уйташ» комплекс «Парк-Райт», где за неправильную парковку выносится штраф в автоматическом режиме.

То есть там бесплатная стоянка, но некоторые автолюбители паркуются на проезжей части недалеко от въезда на территорию аэровокзала под знаками «Остановка запрещена». Каждые пятнадцать минут комплекс объезжает зону запрета парковки и фиксирует все автомобили. Если один и тот же автомобиль дважды обнаружен в зоне запрета, то формируется материал для составления штрафа, который чуть позже поступает в ЦАФАП. Доказательная база – две фотографии. «ПаркРайт» начнет работать и в Махачкале: на железнодорожном вокзале и автобусных остановках.

Неправильно паркуются много где, например, проспекты Шамиля и Ярагского наполовину используются как стоянки.

Основная цель внедрения этой системы, понятно, не сбор штрафов, а безопасность движения. И самое интересное, помогает решать проблему незаконопослушных горцев, чья манера вождения приводит всех в ужас. Успехи впечатляющи. Если в начале проекта за сутки фиксировалось 8 тысяч нарушений, сегодня – в среднем 3 тысячи. Камера очень дисциплинирует водителей. Эти 15 рубелей контроля были установлены по предложению ГИБДД на самых аварийных участках города. Сейчас там количество инцидентов снизилось в несколько раз, в три раза уменьшилось количество погибших и раненых в ДТП. И хотя минимальный штраф вроде бы небольшой – всего 500 рублей, но обычно автомобилисты, один раз заплатив, стараются не повторять своих ошибок.

Комплекс фотовидеофиксации позволяет запечатлеть практически все административные правонарушения. Четыре основных нарушения являются причиной большинства аварий: превышение скорости, проезд на красный, пересечение сплошной линии, остановка на пешеходном переходе. До недавнего

времени наиболее частым и массовым нарушением было превышение скорости, сейчас это почему-то пересечка сплошной. Наверное, иначе в махачкалинских пробках и на дозволенной скорости сейчас не проедешь.

Еще один плюс такой системы, в отличие от патрулирования дорожных инспекторов – бесконтактная форма работы: нарушения фиксируются, и штрафы рассылаются автоматически. То есть даже самый богатый и влиятельный человек не может ни с кем договориться или решить вопрос по звонку. Штрафуют всех! На столе директора «Безопасного Дагестана» в стороне от рабочих бумаг как подтверждение равенства всех перед законом лежит оплаченное «письмо счастья» на его собственную машину.

У водителей, с кем я поговорила, претензий почти нет. Многим приходилось терять в авариях родных и близких, и они понимают, что нужно срочно менять поведение на дорогах. Сейчас для них главное, что за нарушения отвечают все подряд, нет тех, кому позволено безнаказанно вытворять на дорогах, что угодно. И тут выяснилось самое неожиданное: основные нарушители – не обнаглевшие богачи на роскошных машинах, как принято считать в народе, а старенькие «приоры» и «семерки». Дагестанский парадокс?

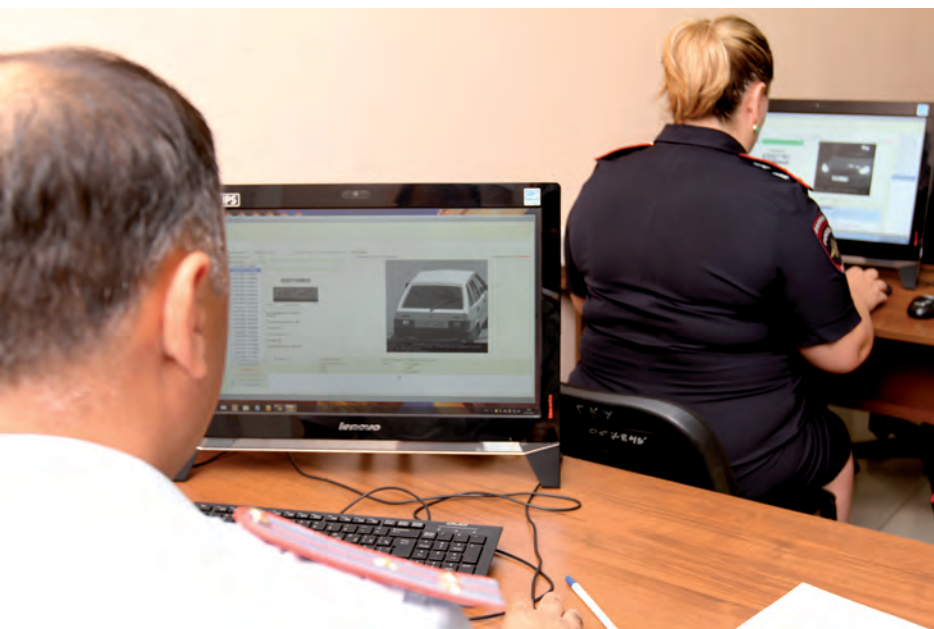

Так как владелец камер – коммерческая фирма, понятно, что она не может требовать с людей штрафы. Этим занимается Центр автоматизированной фиксации административных правонарушений ГИБДД МВД по РД, сокращенно ЦАФАП. На его создание, как вспоминает Диярханов, ушло много времени и сил:

– Сложность заключалась в том, что на федеральном уровне отсутствовала единая нормативно-правовая база. Много времени уходило на запросы и согласования с департаментом МВД России, Роскомнадзором РФ, ФСТЭК России по Южному и Северо-Кавказскому федеральным округам.

Эффективность построения комплекса фотовидеофиксации нарушений ПДД определялась методом проб и ошибок. И в результате ЦАФАП ГИБДД МВД по РД считается лучшим и единственным, выполнившим все предъявляемые законами требования по безопасности персональных данных при их обработке. Он же является образцово-показательным в рамках России. Всем подразделениям ЦАФАП в РФ уже рекомендовано использовать опыт республиканского ЦАФАП.

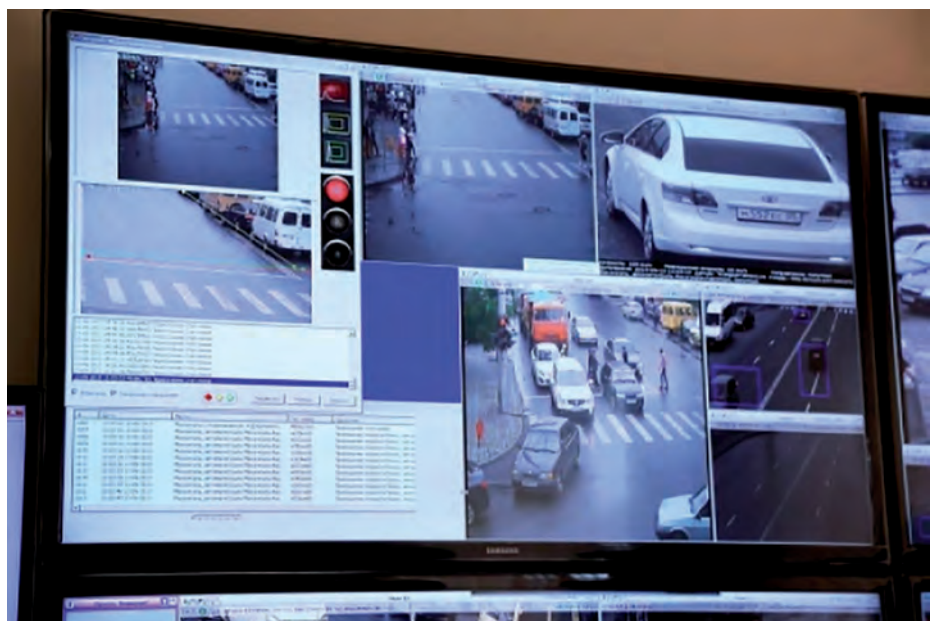
На все перечисленные выше мероприятия из бюджета Дагестана

или Махачкалы не было потрачено ни копейки. Все финансовые расходы взял на себя МАУКОР на безвозмездной основе.

Штрафы выносятся при помощи рабочих компьютерных станций. Все они сертифицированы для этой работы, точно так же, как и программное обеспечение, которое обрабатывает госномер транспортного средства и по нему запрашивает из баз данных информацию о владельце машины. Первые письма счастья пошли в начале 2014 года, год у нас ушел на согласование. Мы, как заказчики, следим, чтобы фирма выполняла свои обязанности в рамках контракта технически правильно. И за комплексы «ПаркРайт» отвечают сотрудники ГКУ «Безопасный Дагестан» и ГИБДД.

А вот ЦАФАП – это то место, в котором по фотофактам составляются постановления. По закону, подписать их может только аттестованный сотрудник ЦАФАП. Поэтому предварительную обработку делают волонтеры-сотрудники Центра – проверяют качество фото, подготавливают запросы в базу данных, а окончательную проверку и подпись на постановления ставят в отдельном помещении офицеры ГИБДД. В день

здесь выписывается несколько тысяч постановлений. Специальная машинка ловко запечатывает их в конверты. Я ожидала увидеть огромное помещение, набитое десятками людей. Ничего подобного – всего в штабе дагестанского ЦАФАПа 18 человек, правда, работают они с большой загруженностью.

Единственная в этом штабе женщина офицер – старший лейтенант София Камилова. В ГИБДД уже 10 лет, приходилось и дорожным инспектором на улице работать. ЦАФАП считает огромным шагом вперед, говорит, что это намного эффективнее, чем

даже круглосуточный пост. «Раньше тяжело было разбираться с претензиями: если водитель говорит, что не нарушал, приходилось вызывать инспекторов. А сейчас просто показал на экране то, что камера увидела, и уже никто не спорит. И, главное, удовлетворение от работы приходит, когда на самых тяжелых участках города, где стоят рубежи контроля, стали ездить практически идеально. Все знают, что безнаказанными не останутся. Больше всего нарушений сейчас совершается на трассе «Махачкала–Аэропорт» – многие приезжают с гор и не знают о камерах.

Один раз получают штраф и на глазах уменьют. Мои друзья и знакомые все спрашивают, где установлены камеры, чтобы там не нарушать».

Начальник ЦАФАП ГИБДД МВД по РД Минатулла Алишов возглавляет эту структуру с момента ее создания. Говорит, что желающих работать здесь было очень много. Главное, видна эффективность – аварийность по Махачкале уже снизилась во многом благодаря рубежам контроля. Минимальный штраф – 500 рублей, максимальный – 5 тысяч. Вроде бы не огромные деньги, но психологически очень действует. «В среднем мы выдаем 3–4 тысячи постановлений в день, собираемся увеличить количество камер многократно.

Чем больше будет рубежей контроля, тем лучше, потому что процент нарушений еще очень высок. В идеале было бы оборудовать комплексами каждый перекресток в каждом городе и, конечно, федеральные трассы. Они очень позитивно влияют на водителей: там, где установлены комплексы, фактически нет аварийности. По итогам года количество ДТП снижено, но ситуация на дорогах все еще остается сложной. Менталитет нашего народа и культура вождения пока плохо совместимы, хотя немало водителей в целом приветствуют этот комплекс. Многие предлагают увеличить число камер, им нравится, когда все равны перед законом на дороге».

Одно из важных преимуществ камеры – отсутствие коррупционной составляющей. Штрафы приходят автоматически, изъять из базы их никто не может. Люди стали понимать, что договориться с инспекторами ЦАФАП не получится, можно только оплатить долг – вне зависимости от статуса нарушителя: никакой самый высокий пост не освобождает от ответственности перед законом. Можно, конечно, обратиться с заявлением на обжалование наказания – в течение 10 дней.

– Несогласных очень мало, – утверждает Алишов. – В основном ссылаются на то, что машину продали, а документы правильно не оформили. Люди не понимают, что штрафует собственника, а не тот, кто сидел за рулем. Я работал дорожным ин-

спектором, начальником ГИБДД Хасавюртовского района – здесь сложнее, и все равно приходится держать все на контроле: конверты, инструктажи, разводы, проверки качества работы, качества материалов. От оборудования фотовидеофиксации гораздо выше эффективность, чем от живого поста. Но инспекторы все равно нужны, подложных номеров много, серьезные нарушения и ДТП все равно может расследовать только инспектор, но камеры в этом очень помогают, и не только ГИБДД. К нам через МВД обращаются все силовые структуры для расследования уголовных и террористических преступлений, и немало случаев, когда наши съемки помогли следователям.

Штрафы, как и налоги, платить никто не любит. Значит, что? Не хочешь платить – соблюдай правила, потому что тебя пасет неподкупная камера. А скоро «Безопасный Дагестан» начнет работу в других городах, хотя основной точкой расширения по-прежнему остается Махачкала.

Недавно Госдума РФ приняла решение об установлении камер фотофиксации на всех федеральных трассах. Поэтому, нравится это кому-то или не нравится, но процесс уже не остановить. Пора становиться законопослушными, другим способом безопасной жизни на дороге не добиться. Мы это хорошо видим – вместе с телекамерами на улицах Махачкалы.

ЭТИКА ЭТНОСА

Как и обещали, мы продолжаем публикацию материалов докторской диссертации ученого и этнографа, профессора Сергея Абдулхаликовича Лугуева «Традиционные нормы культуры поведения и этикет народов Дагестана. XIX – нач. XX в.»

Перед вами – большой и настоящий научный труд, интересный не только обилием собранных, порой уникальных, фактов из повседневной жизни горцев, но и тем, что порой напрочь опровергает современные расхожие представления о тех самых нормах поведения. Что совершенно точно – эта работа хорошо помогает понять, как и почему эти нормы постепенно утрачивали свое значение, что размывало, казалось бы, незыблемые устои, отчего они со временем трансформировались, порой оборачиваясь своей противоположностью. Или вовсе отошли в мир мифов, легенд и преданий.

Одна лишь цитата... «Открытое курение, пьянство, манера нарочито громко говорить и смеяться в обществе, перебивать старших, позволять в их присутствии и даже в их адрес нескромные шутки – все это исходило, как правило, от разбогатевшего члена джамаата и членов его семьи». Знакомо, как будто сегодня, не так ли? А это просто закончилась Кавказская война. В империи только-только отменили крепостное право. Каких-то полтора века назад.

* * *

Общение близких родственников между собой, при отсутствии посторонних, было более свободно и непринужденно. Свойственники по отношению друг к другу обычно проявляли максимальное уважение, о раскованной фамильярности, характерной для родственников-ровесников здесь уже и речи быть не могло.

* * *

Приветствуя группу лиц, мужчина обменивался рукопожатиями со всеми мужчинами, за исключением близкого родственника: тот факт, что последнего по каким-то обстоятельствам он не видел несколько дней, а с остальными встречался ежедневно, в подобной ситуации в расчет не принимался. Вновь подошедший обычно подключался

к теме общего разговора, общей беседы и лишь какое-то время спустя, прощаясь с группой мужчин, жестом, движением глаз, головы давал понять брату, племяннику, сыну, что желает с ним поговорить наедине. Нормы этикета не допускали отдельной, частной беседы родственников, находящихся в группе посторонних

* * *

Объятия при встрече для горцев – редко применяемое выражение дружеского расположения, радости встречи. После долгой разлуки такой жест могли позволить себе родные или двоюродные братья, дядя и племянник, реже – отец и сын, чаще – друзья и кунаки. Если в порыве радости, удовлетворения от встречи объятия и происходили, то, как правило, в доме, не на людях.

* * *

Готовя невестку к роли хозяйки дома, свекровь намеренно загружала ее работой. И хотя с младшими детьми дома и сестрами мужа у невестки складывались теплые, дружеские, родственные отношения, жилось ей у мужа нелегко. С другой стороны, в первые годы замужества молодая женщина была окружена вниманием и заботой со стороны родственников, главным образом родственников мужа, которые по всякому поводу и без повода проводывали ее, делали ей небольшие подарки, угощали сладостями, фруктами, печениями и проч.

* * *

Окончание войны, реформы, вхождение Дагестана в состав России и развитие элементов капиталистического хозяйства еще более обострили имущественную поляризованность узденства. Членами сельского управления все чаще становились не лучшие и мудрейшие, а имущие и преуспевающие. Сплошь и рядом в селениях Дагестана почет и уважение выказывались состоятельному хозяину, от которого исходило благополучие нескольких (иногда – нескольких десятков) семей. Открытое курение, пьянство, манера нарочито громко говорить и смеяться в обществе, перебивать старших, по-

зволять в их присутствии и даже в их адрес нескромные шутки – все это исходило, как правило, от разбогатевшего члена джамаата и членов его семьи.

* * *

Нормы поведения предписывали человеку, оказавшемуся в чужих краях, не насмехаться над местным говором, местными обычаями, традициями и обрядами, чтить местные святыни, с подчеркнутым чувством собственного достоинства оказывать членам местного коллектива знаки расположения и доброжелательности.

* * *

Неписанные нормы поведения диктовали пришлому, приезжему быстро закончить свои дела и по возможности до обеда отправиться назад; в противном случае он мог дать повод расценить свое долгое пребывание здесь как попытку получить статус гостя, напроситься к кому-то на угощение. Приглашение зайти в дом и перекусить, отдохнуть такой пришелец, как правило, получал по нескольку раз и от разных лиц. Однако, согласно нормам приличия, он каждый раз с благодарностью отказывался, ссылаясь на ограниченность во времени.

* * *

Приличия требовали от пришедшего, приехавшего слегка отужинать и, сославшись на усталость, тут же отойти ко сну, а рано утром, отведав предложенный хозяином завтрак, отправиться в обратный путь. Иначе говоря, приезжий всеми силами старался, как того требовал горский этикет, подчеркнуть, что он не гость, что он не рассчитывает на прием по статусу «гость-хозяин» и прибыл лишь с кратким визитом по неотложному делу.

* * *

У народов Центрального, Западного, Южного Дагестана исторически сложились отдельные различия. И не только в «правилах хорошего тона», но и в свадебных обычаях и обрядах, в похоронно-поминальном цикле, в особенностях взаимоотношений

полов, в правилах приема и проводов гостя. Осуждать (не только словами, но даже мимикой, жестом) обычаи и традиции местного населения дагестанец не должен был и пытаться. Нормы традиционной культуры поведения предписывали не выказывать особого удивления, недоумения по поводу тех или иных местных обычаев, даже если они противоречат его представлениям о хорошем и плохом, допустимом и неприемлемом, и невозмутимо воспринимать происходящее как должное.

* * *

Представитель далекой иноэтнической среды, с чуждыми дагестанцу-мусульманину

религиозными ориентациями, был вправе, пользуясь статусом гостя, ожидать от местного населения знаков подчеркнутой почтительности. «Лишь только по прибытии в аулы сошли с лошадей, – читаем мы в «заметках» Н. Глиноецкого, – как тотчас же одна из женщин направилась в ближайший шалаш, вынесла оттуда пару небольших ковров и разстлала их на траве, как бы приглашая сесть. Но этого мало: не успел я вынуть папиросу, как уже другая женщина послала своего ребенка в шалаш, чтобы он подал мне уголек... Бывало, не успел я взять папиросу, как передо мною являлся кто-нибудь с щипчиками, держащими горячий уголь; не успел, бывало, мой Кузьма сказать только,

Аулы Тимери (Тимур) в Дагестанских горах

что ему нужно «су» – воды, и уже несколько услужливых ребятишек с кувшинами лезли к ближайшему фонтану или ручью». Весьма важно отметить при этом, что описываемые события относятся к концу лета 1860 г., т. е. к периоду, когда после прекращения военных действий в Дагестане прошел лишь 1 год.

* * *

Согласно исламскому вероучению, к иудеям и христианам, «людям Священного писания», мусульманину полагалось относиться терпимо и, считая их заблудшими на путях к Богу, все же с уважением относиться к их религиозным убеждениям. Спорить, убеждать иудея, христианина с целью «наставить его на путь истинный», разрешалось и даже приветствовалось, поощрялось. Категорически запрещалось, однако, говорить с иноверующими в оскорбительном тоне, высмеивать особенности их богослужения, их святыни и т. д. Этические нормы горцев предписывали им либо вовсе не вступать в религиозные диспуты с иудеем, христианином, либо говорить на эту тему, вооружившись глубокими познаниями и чувствуя постоянство и глубину своих собственных религиозных убеждений.

* * *

Горцы Дагестана, встречая и угощая гостя-иноверца, считали для себя обязательным поставить на стол, кроме прочего, и спиртное (вино, водку). При этом, как правило, непьющий хозяин старался составить компанию приезжему. Гость же со своей стороны, не желая ставить хозяина в затруднительное положение, поднимал бокал за здоровье хозяина и его семьи, но от дальнейших возлияний воздерживался.

* * *

Дружеские, зачастую куначеские отношения между дагестанцами-мусульманами и иноверцами вовсе не редкость. И гость, и главным образом хозяин старались по возможности учесть взаимные национальные традиции, в том числе и в вопросах религиозных. Хозяин и его домочадцы избегали

в присутствии христианина читать молитвы и творить намаз. Гость со своей стороны не позволял себе действия, характерные для его вероисповедания (например, креститься перед едой). Совершенно исключались дискуссии и споры между хозяином (или его окружением) и гостем-иноверцем на религиозные темы, восхваление в какой бы то ни было форме своих религиозных догм и символов.

* * *

Находясь в среде своих сверстников, мужчины, женщины придерживались правил, действующих в обществе. Считалось дурным тоном ярко выраженное стремление завладеть вниманием окружающих, переключить внимание исключительно на свою персону. А также нежелание и неумение выслушать других, дать им возможность высказаться, пошутить, что-то рассказать. Человеку отказывали в уважении, если он в завуалированной, а тем более открытой форме превозносил свои личные человеческие качества и добродетели, хвалил свое оружие, коня, дом, свое хозяйство. Такое отношение распространялось и на тех, кто с оттенком недоброжелательности или с плохо скрываемой завистью отзывался о достоинствах или имуществе других членов общества.

* * *

Приведем здесь несколько примеров едких замечаний в адрес несдержанных речей односельчанина, записанных нами в разных концах Дагестана, у разных народов. Хвастающему своим дорогим оружием: «Странные, говорят, раньше были обычаи: любимую вещь человека клали вместе с ним в его могилу»; превозносящему качества своего коня: «Говорят, у Надир-шаха был редкий, богатый скакун; видимо, рядом с твоим конем это был бы просто ишак»; хвастающему своим домом: «Говорят, к нам почему-то большой русский начальник приезжает. Теперь понятно: он твоим домом хочет полюбоваться»; распространяющему о собственной мудрости: «Слушай,

ты так мудр! Так сделай же что-нибудь, чтобы твоя тетка не хаяла односельчан!» – и проч. Подобного рода реплики и замечания быстро становились достоянием населения, джамаата, округи и чаще всего вынуждали членов общества держаться общепринятых рамок.

* * *

Не прощало общество манеру говорить с окружающими свысока, вызывающим тоном. Такой человек становился нежелательным как участник мужских собраний, его избегали, окружающие его люди быстро расходились и собирались уже без него. Не прощались и манера пренебрежительного отношения к окружающим: наряду с общим определением такого поведения (Гамал Кюдолъи – авар., дакI хьуншиву – лак., халадаш бирни – дарг., лавгъавал – лезг., оьктемлик, улуу юреклик – кум.) человек получал обидные прозвища. Например, «пузырь», «бурдюк», «петух», «индюк» и др. Со временем такое прозвище на многие годы, если не на всю жизнь, почти полностью заменяло настоящее имя человека.

* * *

Несдержанность в общении с женщинами могла лишить мужчину всякого авторитета в обществе. Он, кроме прочего, рисковал получить унижительную кличку «имеющего желание» (авар.), «жидковатого» (лак. и др.), «лишенного качеств самца» (кум.) и др. Неприличным считалась и попытка затянуть разговор с девушкой, молодой женщиной.

* * *

Нарушением этикета по отношению к старшему считалось не подняться с места или сесть в его присутствии, попытка

вмешаться в разговор старших по возрасту, не получив на это разрешение, перебивать речь старших.

* * *

Младший не мог пройти мимо старшего, не обозначив свое уважение к нему. То обстоятельство, что проходящий торопится и ему некогда, во внимание не принималось. Младшему надлежало несколько замедлить шаг, придать лицу соответствующее выражение (удовлетворенности встречей), остановиться, если старший расположен к этому, и высказать в его адрес несколько вежливых слов. Он продемонстрировал бы верх невоспитанности, если бы позволил себе сделать замечание в отношении внешнего вида или манеры держаться старшего по возрасту.

них данных он не замечает. Пристальное разглядывание, оценивающий взгляд, особые интонации в голосе, выходящие за рамки повседневно-обыденных, попытка завуалированного комплимента, скрытого непристойного намека были не только антиэтикетны, но могли возмутить и женщину, и ее родственников и повлечь за собой серьезные неприятности.

* * *

По этическим нормам мужчина не мог позволить себе сделать замечание в отношении одежды женщины, ее внешнего вида и поведения. А также дурно отзываться о ее муже, брате, отце и др.

Резко осуждался обществом мужчина, пытающийся побеседовать с женщиной, девушкой наедине, а также позволяющий в присутствии представительницы женского пола произносить бранные и неприличные слова, обороты.

* * *

Как член общины (джамаата) мужчина не должен был отлынивать от общественной работы (к таким относились строительство мечети, ремонт дороги, моста и прочее) и общественных обязанностей (например, выход в свою очередь на охрану насаждений, скота). Участвуя в коллективных работах, он под угрозой насмешек и колкостей в свой адрес избегал работать вполсилы или выбирать легкую работу.

* * *

Мужчина – член джамаата, не позволяя себе фамильярного обращения с гостем селения, с прихожим или приезжим вообще. Человек, дающий гостю дурные характеристики на членов своей общины, терял в глазах гостя и ронял свой авторитет перед сельчанами. Так же точно он не позволял себе

* * *

Предосудительной считалась также небрежность поз, жестов, мимики. Считалось, что человек на людях, уважая окружающих, должен следить за собой. Обидные реплики окружающих в подобных случаях: «стоит как ишак (корова) на льду»; «сам себя удерживать не состоянии» (о скрестившем руки на груди); «если плеткой ударить – закрутится» (о подбоченившемся), «скоро вселенную проглотит» (о непрерывно зевающем), «обезьянье кривлянье» (о чрезмерной мимике) – и так далее.

* * *

При разговоре с девушками или с женщинами и в их присутствии вообще мужчина всем своим видом, манерой обращения обязан был показать, что ни ее наряда, ни внеш-

осуждать действия или решения органов и должностных лиц сельского управления в беседе с человеком из другого общества.

* * *

Считалось неприличным надоедать гостю селения расспросами о нем самом, о его деятельности, о его родственниках, о его селении и прочем, если гость сам не изъявил желания поделиться всем этим.

* * *

Грубейшим нарушением этических норм считались любые слова, выражения, жесты, намеки, так или иначе задевающие достоинство приезжего или пришедшего.

* * *

Член джамаата, предлагающий свои услуги гостю в обход хозяина, у которого тот остановился, по понятиям дагестанцев нарушал нормы гостеприимства

* * *

Все эти нормы поддерживались силой общественного мнения. Формировалось оно в основном представителями старшего поколения, оценки и определения которых могли возвеличить человека в его делах и поступках или наоборот, лишить его уважения со стороны общества. А это практически переводило человека в разряд «второстепенных людей». Формировалось общественное мнение и женщинами, обсуждавшими сельские дела и происшествия у источников, у общественных печей, у пологого берега реки, где они занимались стиркой.

* * *

За поступок, выходящий за рамки представлений о культуре поведения, общество «награждало» провинившегося прозвищем, ущемлявшим его достоинство. В особых случаях виновному посвящали сатирические куплеты, передававшиеся из уст в уста по всей округе, порой на протяжении многих десятилетий. Особо провинившихся население общины подвергало бойкоту. В таких случаях член общества на какой-то срок был лишен возможности общаться с соседями, одно-

сельчанами и родственниками. Чтобы бойкот прекратился, должно было пройти какое-то время. Так же пятно осуждения снималось благородным поступком.

* * *

В отдельных случаях отец провинившегося в моральном отношении подростка или молодого мужчины выступал инициатором «гражданской казни». С.Ш. Гаджиева пишет: «В отдельных аварских обществах (Андалал и др.) в этом случае отец приводил сына на годекан, накинув на него «гъуч» – одеяние, вытканное из шерсти в форме балахона. Первый крепкий удар провинившемуся сыну наносил отец, затем удары полегче – остальные родственники и, наконец, совсем легкие, символические – посторонние. Хотя этим наказание и ограничивалось, оно рассматривалось и воспринималось как тяжелое моральное унижение. О подобных ситуациях у даргинцев сообщает Б. Далгат. «В знак отречения от сына отец при сборе всего аула на намаз в пятницу в главной мечети забивал гвоздь в столб и произносил отречение». Понятно, что подобным наказаниям лицо подвергалось в исключительных случаях, значительного отклонения от принятых в обществе норм жизни.

* * *

Все запреты также имеют отношение к аспектам традиционной культуры поведения. Так, например, если в лакском селении свирепствовала корь («муси – къеп» или «ятІул пяртал»), выход людей в дневное время из селения запрещался.

* * *

У тиндинцев человеку, обрабатывающему шкуру, овчину, в течение трех дней запрещалось заходить в мечеть. Такое же ограничение накладывалось у гинухцев на человека, подстрелившего дичь для употребления в пищу.

* * *

По стародавним традициям горцев, женщины не ели сладости, фрукты, яйца, масло, сметану и другие деликатесы, пока

их мужья, отцы, сыновья не вернутся с набега или с поля боевых действий.

* * *

У всех народов Дагестана запрещалось с наступлением сумерек и до восхода солнца выносить из дома огонь, соль, муку, закваску для теста. А с восхода и до заката солнца запрещалось дарить одежду своего ребенка (даже если он на тот момент был уже взрослым человеком) другому ребенку.

* * *

У цахуров и рутульцев женщине, потерявшей сына, дочь, в течение трех лет запрещалось называть по именам ровесников или ровесниц умерших. Примерно такой же запрет

соблюдался у засулакских кумыков: девушка, потерявшая брата, не произносила какое-то время имена ровесников умершего.

* * *

У чамалалов запрещалось произносить имена не вернувшихся с поля боя, с войны, из похода или набега, убитых в стычке, погибших от несчастного случая – словом, умерших насильственной смертью или безвременно.

* * *

У даргинцев Сюргинского участка обворованный, если это была квартирная кража, в течение месяца не мог заняться торгово-обменными операциями. По необходимости за него это делало доверенное лицо.

* * *

У всех дагестанцев человек с незажившими, сочащимися кровью ранами не мог зайти на кладбище.

* * *

У тиндинцев, хваршин, багула-лов, чамалалов лицо, обвиненное в неуплате долга, не имело право принимать гостей, кунаков до погашения задолженности.

* * *

У ахвахцев и каратинцев, у бежтинцев, гинухцев, гунзибцев и цезов человек, прирезавший на мясо коня (разбившегося при падении, поломавшего ногу и тому подобное), в течение месяца (33 дней) не имел права передвижения верхом. Ему же полагалось сделать жертвенные раздачи по трем семьям или три дня поститься.

* * *

У арчинцев, человеку, зарезавшему скотину, курицу, запрещалось есть мясо той или другой.

* * *

Из речи двух или нескольких беседующих мужчин совершенно исключались названия половых органов человека или животного; в таких случаях пользовались словами-заменителями. Запретными были для мужчин также фривольные разговоры о женщинах и обсуждение подробностей об отношениях полов.

* * *

Резко ограничивались для мужчин также и беседы об отправлении естественных потребностей, о состоянии желудка, болезнях кишечника и проч.

* * *

Особенно много было всякого рода ограничений и запретов, связанных с произ-

водственной деятельностью. Так, например, у андийцев в период от посева зерновых до появления зеленой поросли запрещалось поджаривать зерно, а также есть блюда (кушанья) из поджаренного и размолотого зерна.

* * *

В первый день уборки урожая у рутульцев работающим в поле запрещалось есть в течение светового дня. Хозяину и его семье, в доме которых в начале года случились несчастье, беда, запрещалось выходить на весенние работы в саду. В течение светового дня запрещалось есть у табасаранцев чабану за два-три дня до начала окотной компании, а у годоберинцев – за день до начала компании по стрижке овец.

* * *

У даргинцев увечному человеку запрещалось дотрагиваться до чужих ульев. Своих же пчел такой человек мог заводить сколько угодно.

* * *

В доме родственника мужчина и женщина не могли позволить себе каких-то вольностей, допустимых в семейном кругу. Никакой раскованности, небрежности в позах, жестах, речевых оборотах и прочем. Даже в собственной усадьбе, в четырех стенах, в помещении, в комнате люди вели себя не так, как во дворе, на открытой лоджии или на крыше.

* * *

Совсем другие поведенческие нормы требовались на людях: на улице, на площади, на местах сбора местного населения и т. д. И нормативы поведения во дворе или в доме друга, соседа, односельчанина отличались друг от друга. Свою специфику имело общение на годекане, у источника, у общественных печей для выпечки хлеба.

Отдельными штрихами и деталями характеризовались нормы общения у мельницы, на мосту, в лесу, на пастбище, у реки, в ущелье... Особые нормы соблюдались путниками, попутчиками, встретившимися на дороге.

* * *

У агулов в период появления колоса у яровых сортов злаков запрещалось брить и подстригать усы, бороду, волосы на затылке, стричь ногти, срезать мозоли.

* * *

С начала уборки колосовых и до ее завершения у хваршин запрещалось подсчитывать, прогнозировать ожидаемый урожай, говорить о предполагаемом количестве зерна.

* * *

У целого ряда народов Западного Дагестана до окончания сбивания масла женщине запрещалось умываться или купаться. Такой же запрет накладывался на тиндинок и лачек до окончания катания войлока и т. д.

* * *

Каждый член семьи должен был в течение всего дня быть опрятен и подтянут, малолетним в этом отношении делалось некоторое снисхождение.

* * *

Осуждалось, если член семьи (за исключением детей и глубоких стариков) не был занят каким-либо полезным делом. Отдых от дневных трудов и хлопот подразумевался только как сон, праздность резко осуждалась.

* * *

По дому девушки и женщины могли передвигаться только с покрытой головой и обутыми. Чухту – матерчатая повязка или небольшой легкий платок – это чисто домашний вариант женского головного убора. А мужчина мог обнажиться до пояса только на время, при выполнении какой-либо трудоемкой работы.

* * *

Повышать голос на членов семьи мог только ее глава (по отношению к любому домочадцу) или мать (по отношению к детям и подросткам). Злоупотребление этим правом, впрочем, могло вызвать резкое осуждение общины.

* * *

Взрослые дети и родители редко собирались вместе. Обычно в полном составе семья садилась за завтрак, обед (если это не период сельскохозяйственной страды) и ужин. Непродолжительное время семья могла посидеть на галерее, лоджии, зимой – у затопленного камина. Чаще всего в такие минуты обсуждались события дня или намечался фронт работ на следующий день. Так как большая часть мужского населения горного Дагестана в осенне-зимний период отправлялась на отхожие промыслы или находилась со своим скотом на зимних пастбищах, становится очевидным, что в полном составе семья собиралась не так уж часто.

* * *

Выходя во двор (а также на открытую галерею, на плоскую крышу), девушки и женщины надевали поверх чухты платок, мужчина обязательно надевал папаху.

* * *

Потребление пищи вне стен дома расценивалось в обществе как стремление хозяев продемонстрировать бедность, недостаток средств (на что прочие родственные и неродственные семьи должны были откликнуться приношениями муки, мяса, сыра и проч.). Или, напротив, как желание показать свой достаток и материальное благополучие. И то и другое лежало за рамками принятых в обществе этических норм.

* * *

В доме родственника и тем более односельчанина горец вел себя сдержанно. Прежде всего, неукоснительно соблюдалось следующее правило: перед тем как зайти в чей-то дом, комнату, надо было дать о себе знать окликом («есть ли кто в доме?») или покашливанием. Стучать в дверь было не принято.

* * *

Пришедший, даже если он близкий родственник, соглашался принять участие в семейной трапезе или просто принять угощение только после неоднократных предложений хозяев.

* * *

Мужчину в доме принимал мужчина, женщину – хозяйка, женщина. Пришедший мужчина, поприветствовав главу семьи, перебрался с хозяйкой несколькими вежливыми фразами («как дела?», «как здоровье?», «как себя чувствуют твои родители (братья, сестры – и др.)»), и больше за весь период своего пребывания как бы не замечал ее.

Пришедшая женщина, поприветствовав хозяина дома и обменявшись с ним подобными же любезностями, переключала внимание на хозяйку. Обычно для беседы женщины уединялись в другой комнате или

в дальнем углу комнаты, где собрались домохадцы. По сравнению с мужчинами, в беседе женщины были менее сдержаны в мимике и жестике.

* * *

Сидеть в чужом доме полагалось чинно, без малейшего намека на развязность, говорить не громко, но внятно.

* * *

Правила хорошего тона требовали, чтобы пришедший время от времени говорил хозяевам, что ему неловко отнимать у них время, и он сейчас уйдет. Хозяева в свою очередь уговаривали его не торопиться, уверяли, что рады визиту.

* * *

По принятым в обществе нормам, затягивать визит считалось неприличным. Обычно он длился от 15–20 минут до получаса, однако его продолжительность в значительной мере определялась степенью родства или привязанности людей друг другу, зависела от дружеских или добрососедских отношений.

* * *

Активность женщин в посещениях родственников мужа общество оценивало положительно. А вот частые визиты к своей родне, особенно в первые годы замужества, воспринимали негативно. Не приветствовалось также общественное мнение чрезмерно частые визиты мужчины к родственникам своей жены.

* * *

Неопрятность старика или старухи общество ставило в вину их домохадцам, прежде всего дочерям и невесткам.

* * *

Горянка с непокрытой головой или даже без чухты под платком, мужчина без папахи – явление для горцев Дагестана из ряда вон выходящее. Таким же редким явлением была праздная группа членов селения.

Редакция благодарит Зарему Дадаеву за представленные в материале редкие фотографии из собрания Музея истории города Махачкалы

Влада Бесараб

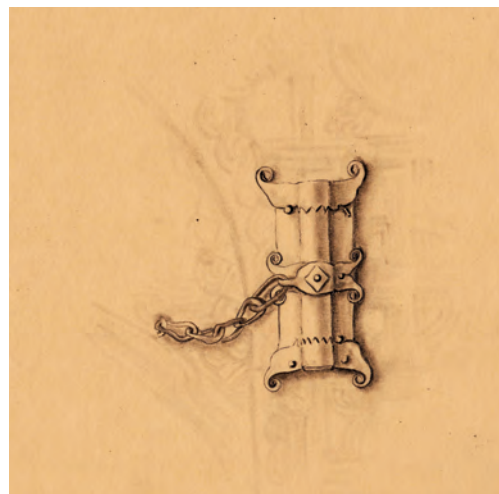
Пленэр

ПОРТАЛ || ЗНАКИ

Эту однодневную поездку в апреле 2013 г. в Тпиг и другие села Агульского района нельзя назвать полноценным пленэром. Но она дала Асият Камиловой – тогда еще студентке художественно-графического факультета ДГПУ, не просто материал для дипломной работы, а надолго определила ее художественный метод, авторский почерк.

На ХГФ Камилова поступила, собираясь стать дизайнером костюма, поскольку окончила колледж по этому профилю. Но, проучившись год, перевелась, и выпускалась уже как художник-график. Член Союза художников с 2015 года. Сегодня Асият работает на кафедре живописи ХГФ и является аспиранткой Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы ДНЦ РАН. Ее будущая диссертация посвящена развитию дагестанской печатной графики.

Асият – замечательный офортист. Ее работы, отличающиеся особой тонкостью и изяществом исполнения, хранятся не только в ДМИИ, но и в фондах Дома графики им. Д. А. Ровинского (Москва), Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Санкт-Петербург), в коллекции Международной ассоциации графики ADOGI (Барселона, Испания).

Она не делает быстрых зарисовок, даже в пленэрных рисунках предпочитает тщательно фиксировать «мелочи», очень ценит эстетическую роль детали. Ее произведения невозможно бегло просмотреть, их нужно долго и вдумчиво разглядывать. Созерцать. Созданию каждой маленькой картинки предшествует долгий период собирания материала, потому что, помимо эстетической, каждая деталь у Камиловой несет и смысловую нагрузку, а композиция очень точно рассчитана.

В Агульский район Асият отправилась вместе с однокурсницей Раисат Асукаевой, которой необходимо было отснять выполненные ею реконструкции агульского женского костюма. В Тпиге туман, обычный для

местности в это время года, вдруг рассеялся, и пока группа была занята работой с другими моделями, Асият успела одна побродить по старому селу с фотоаппаратом. Рисунки были выполнены ею уже дома.

Как и в других районах Дагестана, занятия агулов строго делились на мужские и женские. Помимо овцеводства, мужчины изготавливали косы, серпы, топоры, мотыги, ножи; выделывали овчину и обрабатывали кожу, тачали обувь, шили ремни, пояса. Высокого мастерства достигли агулы в каменном строительстве. Соседи приглашали агульских каменщиков для возведения самых разных объектов, особенно соборных мечетей. Были искусны они и в художественной обработке камня и дерева.

До сих пор в старой части агульских селений затейливыми надписями и изображениями испещрены стены домов, мостов, мечетей. Опорные столбы, деревянные конструкции фасадов, двери и окна, колонны и подбалки балконов, консоли карнизов также украшали сложной орнаментальной резьбой. Особенно богатая резьба покрывала порталы. На них с удивительной точностью строго симметрично справа и слева варьировались элементы плетенки в виде тугих кос и жгутов, хитроумно перевитых кругов, петель и перекрестий, дополненных крестами, розетками, повторяющимися клубками спиралей.

В центре района, селении Тпиг, находится великолепная старинная каменная мечеть, построенная в XI в. по проекту Абу Муслима. По преданию, он лично закладывал фундамент для ее минарета, но, увы, не успел его достроить и поручил это местным мастерам-каменщикам. Во времена нашествия татаро-монгол мечеть, как и все село, сильно пострадала, но быстро возродилась. В 1952 г., во время разрушительного землетрясения, башня минарета развалилась, и ее восстановлением занимался мест-

ный житель Гадат Магомедов. Настоящий духовный подвиг по тем временам.

Где бы ни возводились мечети, они всегда превышали по своим размерам остальные дома, строились из лучших материалов. Тпигская мечеть совсем небольшая, но является архитектурной доминантой пейзажа. О совершенстве ремесла агульских мастеров свидетельствует узор на ее дверях, который как образец искуснейшей резьбы по дереву вошел в учебники и справочники.

Точнее, это две двери, похожие лишь на первый взгляд. Разнятся они не только резьбой, но и исторической судьбой, если можно так выразиться. Одна служит

центральным входом в мечеть: ее створки полностью открываются, в них врезаны относительно современные ручка и щеколда,

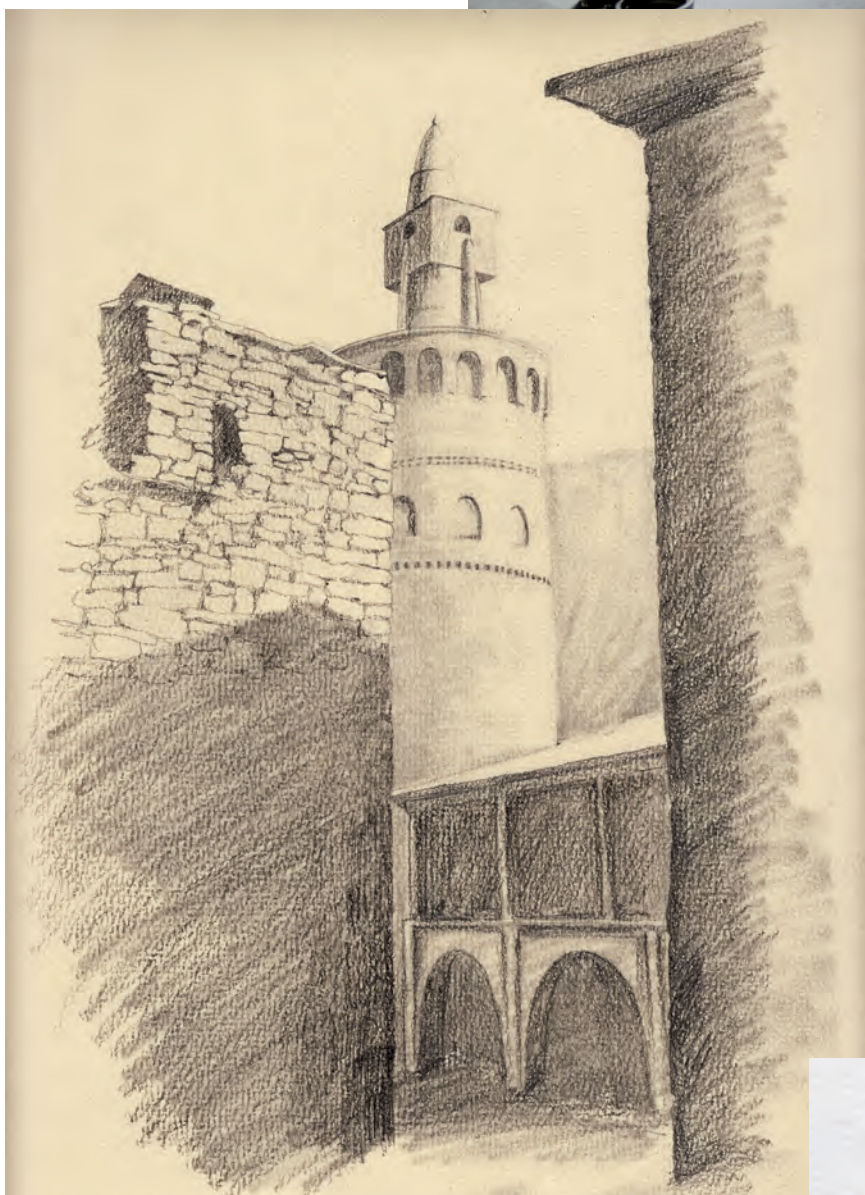
а дополнительным «украшением» служат электрические провода, идущие к кнопкам звонков – приметы нашего времени. Вторая дверь – одностворчатая, находится с другой стороны здания (ее еще называют «женской») и заперта. Даже просто подойти к ней поближе, чтобы полюбоваться прекраснейшими орнаментами, невозможно, поскольку все равно уткнешься в натянутую сетку (данное описание

относится к 2013 г., в настоящее время ситуация могла измениться. – *Ред.*). К счастью,

ее ячейки оказались довольно крупными для того, чтобы просунуть объектив фотоаппарата. И Асият Камилова получила-таки несколько ценных снимков.

На поверхности двери отпечатались многое: чудесный орнамент местами отполирован до блеска, а местами словно стесан; дыры от гвоздей и следы неуклюжих попыток реставрации похожи на раны, а глубокие вертикальные трещи-

они крепки духовно и физически, так остается прекрасной и старая дверь. Она не рассохлась, нет, не прогнила изнутри. Кованая петля с тяжелой цепью прикреплена прочно, и сама дверь крепка, надежна и еще послужит людям.

На офорте Асият Камиловой панорамный пейзаж Тпига с минаретом вписан в круг (эта форма называется тондо, и ее очень любили художники эпохи Возрождения), обрамленный несколькими рядами орнаментальных мотивов с той самой двери. Сложно переплетенные узоры, каждый элемент которых любовно выгравирован художником, вновь обретают свой сакральный смысл, несут охранительную функцию, отводят все дурное. Маленькая вселенная агулов, центр их мироздания под надежной защитой.

ны – на морщины, покрывающие лица дагестанских стариков. И, как морщинистые лица старых горцев прекрасны, потому что светятся добротой, а сами

Тамерлан Магомедов

ДОРОГИ, КОТОРЫЕ МЫ ВЫБИРАЕМ

Лето – время жестокой битвы нервов и знаний на пограничье среднего и высшего образования. От количества баллов, полученных по итогам сдачи ЕГЭ, зависит дальнейшая жизнь вчерашнего школьника. Ставки высоки: поступление в престижный вуз и заманчивые перспективы или получение невостребованной специальности в бывшем ПТУ, ныне гордо носящем звание колледжа, и дорога в люди по пустыне отечественного капитализма. Ни один из них не гарантирует в будущем спокойной и обеспеченной жизни или является основанием беспросветного прозябания в жизни. Можно привести немало примеров взлета из низов на самый верх, или падения из «князей» в грязь. Несомненно одно, хорошее образование – это преимущество, хороший шанс на успех, возможность самореализоваться. Есть ли он у всех наших детей?

Как известно, в России две беды. Для решения второй у нас в стране безудачно реформируется экономика, для первой – образование. О результатах экономических реформ каждый может сделать вывод, исходя из собственного благополучия. С образованием не все так прямолинейно. Читать, писать, считать худо-бедно умеет каждый обыватель, но никто его образованным и не считает.

«Это не главное, нужно уметь крутиться», – авторитетно заявят знающие товарищи, навскидку перечислив с полдюжины имен и прозвищ представителей нашего истеблишмента, сколотивших приличное по провинциальным меркам состояние. При этом их уровень образования нередко становится причиной веселого настроения у окружающих. Правда, то, что они направляют немалые суммы на образование своих чад в элитных детсадах, школах и вузах, воспринимается «неравнодушной» частью нашего сообщества, как блажь ради поддержания реноме.

И в продолжение темы пойдут разговоры про таинственную комнату, которая надежно защищена от проверяющих из Москвы и гарантирует беспрепятственное списывание ответов от лучших учителей по всему спектру ЕГЭ. Все что-то слышали, называются суммы, обеспечивающие доступ к заветной пещере Али-Бабы. Сомневающимся добывают железобетонным аргументом: «Таких-то знаешь? Вот они, только больше никому не говори, отдали сколько нужно, чтобы их сынок (дочка) в отдельную комнату без видеокамер попал (а). Он (а) с племянницей моей соседки в одной школе учились. Вообще на занятия не ходил (а), зато ЕГЭ как сдал (а)! Ты же понимаешь?»

Объяснять таким знатокам особенности учебы в старших классах современной школы – дело безнадежное и неблагоприятное. Конституция гарантирует гражданину получение полного среднего образования. А уж качественное образование – дело самих обучающихся или, что чаще,

их родителей. Папы и мамы, утратившие иллюзии о безоговорочной победе добра и справедливости, понимают, что наследникам необходимо оставить не только длинный перечень объектов движимого и недвижимого имущества, предметов роскоши и драгоценностей, банковские счета и рентабельный бизнес. Всем этим нужно уметь пользоваться и по возможности приумножать.

Итак, родители решают дать ребенку хорошее образование. И попадают в психологическую ловушку. Вера в то, что школа научит

все и воспитает, основанная на традициях советских времен, вступает в конфликт с собственным опытом. Куда отдать ребенка: в соседнюю школу или частную, обычную или престижную? Венцом одиннадцати лет учебы сегодня стало ЕГЭ.

Введение ЕГЭ означало коренное реформирование всей системы образования. Предполагалось, что оно приблизит российское образование к международным стандартам, построит его, в том числе, через Болонский процесс, в мировую систему образования и науки. Однако продолжающиеся образовательные реформы сегодня постепенно возвращают многие аспекты давно отработанной и хорошо подзабытой системы советского образования. Постепенный отказ от тестирования, возврат сочинений по русскому языку и другие менее очевидные детали говорят, что, формально не отказываясь от ЕГЭ, реформаторы от образования пытаются создать новый неведомый гибрид – определять уровень знаний, базирующихся на советской методике преподавания, западными методами. Что может получиться из такого тюнинга, покажет только будущее.

Сегодня же семьи выпускников оказываются перед пропастью, разделяющей

школьную программу и то, что требуется знать во время сдачи экзаменов. Если классный руководитель настоятельно рекомендует для успешной сдачи экзаменов и повышения шансов на поступление в престижный вуз взять репетиторов, это ли не свидетельство латентного кризиса в школьном образовании?

И сегодня ЕГЭ-туризм никуда не делся, а трансформировался, приобрел более изощренную форму. Определившись с целью устремления будущего выпускника – специальностью и вузами, начинается осада крепости. Для начала ребенка переводят на домашнее обучение. Еще лучше – в школу на малой родине. Договорившись, что ребенок не будет утомлять своим посещением учителей взамен на минимально положительные оценки по предметам, требующимся для получения аттестата. Высокие результаты по ЕГЭ гарантированы. Всем удобно, а школе дополнительные бонусы и уважение.

Заполучив оперативный простор, вы начинаете выбор репетиторов. Тут ждет широкий выбор – от простых учителей до профессорско-преподавательского состава выбранного

«Гимназия «Сахаб»

вуза. Все зависит от ваших желаний и возможностей. Обратите внимание на уличную рекламу. Количество различных образовательных центров и просто опытных педагогов, желающих оказать выпускнику помощь, сопоставимо с количеством объявлений о приеме на непыльную и высокооплачиваемую работу.

В результате слаженной работы родителей, репетиторов, ученика и школы получаем рост средних баллов по результатам сдачи ЕГЭ, при максимальной прозрачности и объективности процедуры сдачи экзаменов и оценки знаний. Рост в разы (!) количества «стобалльников» и в целом по стране, и конкретно в Дагестане.

Эту замечательную картину не смог подпортить даже скандал с золотыми медалями в Адыгее. При этом вряд ли кто обратил внимание на маленькую деталь – список «стобалльников» заметно отличается от списка золотых медалистов. Парадокс, но факт.

В последние годы значение золотой медали в образовании сильно нивелировалось. Решение о ее присуждении теперь принимается руководством школ самостоятельно,

что не прибавляет ей веса. Вполне возможно приобрести ее легально. Так может, совсем отказаться от понятия «золотой медалист» и перестать гонять учеников по всем предметам?

Эта ситуация – отражение дилеммы выбора пути дальнейшего развития образования. Предпочесть, условно назовем «медальную» идеологию, в основе которой лежит обучение в школе, академическому базису по основным отраслям знаний. Либо выбрать «балльную» систему, нацеленную на узкопрофильные знания. У каждого направления свои плюсы и минусы.

Уже озвучены планы по поэтапному введению дополнительно двух обязательных ЕГЭ – по истории и иностранному языку, что практически вдвое увеличит число экзаменов, нагрузку на учеников, родителей и школу в целом. Не обсуждая целесо-

образность их введения, хотелось бы понять следующее. Готова ли школьная система к введению новых выпускных испытаний? Как скажется увеличенная нагрузка на психологическом состоянии и здоровье выпускников? Когда уровень преподавания школьных предметов станет соответствовать требованиям ЕГЭ?

Еще недавно была возможность обойти ЕГЭ и поступить в вуз по льготной программе сразу на третий курс, окончив профильный колледж или техникум. Сегодня эта дорожка прикрыта, но лазейки остались. Выпускник колледжа поступает на первый курс, пройдя вступительные испытания в профильный вуз, либо представив результаты ЕГЭ по необходимым предметам, и дальше может учиться по сокращенной программе. Но получится ли воспользоваться этим небольшим преимуществом через несколько лет, никто гарантировать не может.

Остается лишь пожелать тем, кому еще предстоит пройти испытания ЕГЭ, чтобы реформа школы, не прекращая перманентный процесс модернизации, не превращалась в испытательный полигон, где на наших детях ставят сомнительные эксперименты.

Влада БЕСАРАБ

АКТЕРЫ, ПРАВЬТЕ РЕМЕСЛО

Студенты актерского отделения факультета культуры ДГУ в качестве дипломного спектакля представили пьесу Николая Эрдмана «Самоубийца». Спектакль сыграли на малой сцене Русского театра дважды, и оба раза зал был полон.

Сразу после госэкзамена ребята вместе со своим мастером, режиссером, заслуженным деятелем искусств Дагестана Изумруд Алиевой побывали на фестивале театральной молодежи «Вне сезона» во Владикавказе, где в рамках закрытия этого театрального форума сыграли «Самоубийцу» на сцене Русского академического театра им. Евгения Вахтангова – старейшего драматического театра на Северном Кавказе. По словам Изумруд Шихабудиновны, организатором фестиваля выступили министерство культуры и комитет по молодежной политике Северной Осетии, который пригласил выпускной курс актерского отделения ДГУ принять в нем участие: «Наше министерство молодежи выделило транспорт, и мы смогли даже привезти с собой реквизит и часть декораций».

Целью «Вне сезона» было привлечь внимание общественности на то, что в республиках Северного Кавказа есть творческая, инициативная молодежь, для которой театр не просто развлечение, а серьезное дело. Среди участников был и театр КВН, и студенты актерского отделения факультета искусств Северо-Осетинского государственного университета, которые также показывали дипломный спектакль.

Как считает Изумруд Алиева, именно сыгранный во Владикавказе (третий по счету)

«Самоубийца» получился наиболее удачным. Уже не было экзаменационного мандража, ребята сыгрались и почувствовали тот самый актерский кураж, за ко-

торым, собственно, и идут в эту профессию.

Хотя и на премьере было очевидно, что спектакль состоялся. Причем настолько, что его можно оценивать почти без скидок на отсутствие у артистов опыта работы на профессиональной сцене. Да и «Самоубийца» – вещь настолько сложная и неоднозначная, что даже на опыте ее не всегда удастся вывезти. Помнится, ставил ее Скандарбек Тулпаров в Русском театре, и вроде неплохо получилось, но в репертуаре спектакль не то что не задержался, а даже не успел в него войти – фактически все ограничилось премьерой.

О том, почему выбор пал на пьесу Эрдмана, как шли репетиции, почему смысловые акценты в спектакле расставлены так, а не иначе, и, главное, чем дальше займутся 13 свежедипломированных артистов, мы и поговорили с Изумруд Алиевой.

– Это вы предложили ребятам взять пьесу? Был ли им известен «контекст эпохи», они понимали, почему «Самоубийца» так и не был поставлен при жизни автора и вообще впервые был издан в нашей стране только спустя 60 лет после написания?

– Да, Эрдмана предложила я. Конечно, я понимала, что это сложная пьеса, пьеса с подтекстом, который современные молодые люди, в отличие от нас, родившихся и выросших в СССР, уже не считают. Мы сильно сократили материал, убрали все идеологические моменты, которые сейчас просто неактуальны. Но еще до репетиций, во время читки, ребята знакомы с полной версией. Мы говорили о судьбе Эрдмана, о ситуации, которая сложилась в искусстве в 20–30-е годы. То есть все, что касалось «контекста эпохи», проговаривалось, разбиралось очень подробно.

– Вы очень удачно сократили пьесу: критика идеологии социализма пропала, а несчастный маленький человек Подсекальников остался. Его история типична настолько, что можно было сделать полностью современный спектакль. Почему не сделали? Возможно, ребятам было бы легче работать именно в современном антураже.

– Была такая мысль, действительно, это было бы легче, наверное. С другой стороны, мы не пытались

точно воспроизвести эпоху НЭПа, реконструировать прически, костюмы того времени – этой

задачи перед нами тоже не стояло. Хотелось сделать актуальный на сегодняшний день спектакль, в котором чувствовались бы отголоски прошлого. Я просила ребят не смотреть запись спектакля театра Сатиры 1982 г. и экранизацию 1990 г., но они, конечно, посмотрели.

– Понравилось?

– Нет!

– Несоветские люди ваши студенты! Не понимают они сатиру на реалии общественно-политической жизни в СССР, не видят параллелей между 20-ми и 80-ми – и слава богу. Зато проблемы Семёна Семеновича, заюканного женой, тещей и жизнью, им понятны.

Кстати, Подсекальников-то в исполнении артиста Али Бахмудова совсем не жалок! И не озлоблен ничуть. Он катастрофически неудачлив, порой нелеп, но с кем

не бывает. Зрители видят человека, который сохранил чувство собственного достоинства несмотря ни на что, человека, который не способен на подлость. И жена у него добрая, хоть и ворчит. И даже теща вовсе не мегера, как ее представляют в иных постановках, которые совсем уж гротесково-буффонадные, а у вас – настоящая драма, хоть и решенная в сатирическом ключе.

– Пьеса хороша тем, что в ней даже у второстепенных персонажей выписаны характеры, действия – есть, что играть. Это же дипломная работа, поэтому важно было, чтобы все выпускники могли себя проявить. Мы готовили массу этюдов, разрабатывая, развивая каждый образ. Вот, например, Калабушкин (артист Магомед Яхьяев) – он же заведует тиром. И мы придумываем сцену в тире, хотя ее в пьесе нет. Ребятам важно было не просто

сделать свою собственную роль, но и показать работу в ансамбле, умение чувствовать партнера. И тут мы тоже ставили этюды, выясняя,

какие отношения у героев друг с другом, почему они именно такие, а что могло бы быть, если бы... На мой взгляд, главное, что есть у Эрдмана в этой пьесе, как раз именно вопрос – а что будет дальше? Поэтому она и не устарела за столько лет.

– А насколько сложно студентам было перейти от этюдов и отрывков в учебных аудиториях к полноценному спектаклю на профессиональной сцене?

– Это всегда непросто, но с «Самоубийцей» было очень сложно. Малая сцена Русского театра почти круглая, зрительные места расположены амфитеатром, то есть, чуть повернулся – и ты уже спиной к половине зала. И потом – пространство большое, мизансцены удлинняются: в аудитории надо сделать шаг, чтоб подойти к партнеру, а тут – пять. Темп держать сложно. А еще у нас спектакль начинается в темноте и Мария Подсекальникова (артистка Сакинат Батаалиева) идет по сцене со свечой, потом свеча гаснет и падает, герои ползают в потемках, пытаются ее найти – комическая сцена. На репетициях-то было светло! На сцене надо было все точно рассчитать, при том, что у нас был всего один полный прогон.

– Как зритель, сидевший у самой авансцены, и подмечавший каждую мелочь, могу сказать, что

ребята действительно играли в ансамбле, а не просто проговаривали свои роли. Находясь на заднем плане и непосредственно не участвуя в мизансцене, они, как и положено, из образа не выходили, с предметами работали уверенно. Они «профессионально» падают, дерутся и борются! Сцендвижение изучали не зря. А еще у вас там стакан во втором действии разбивается, и осколки разлетаются по всей сцене. Ох, и переволновались же зрители, когда Подсекальников в нескольких сантиметрах от осколка падал, а потом еще руками-руками! Стакан случайно разбился?

– Нет, так было задумано, но на репетициях, конечно, ничего не били. Осколки по ходу действия нужно было подмести, но они разлетелись далеко, и актриса не все заметила. Так что я тоже переволновалась, когда герой упал прямо возле стекла, я же знаю, что он его может и не видеть в свете софитов и на всем этом кураже. К счастью, все обошлось, никто не порезался.

– Сколько студентов было на первом курсе, если до выпуска дошли 13? И сколько человек вы будете набирать в этом году?

– Было 20: двое после второго курса поступили в Театральный институт им. Щукина в Москве, одна – в консерваторию. Отсев тоже был, конечно, но совсем небольшой, для творческих специальностей это

нормально, я считаю. В этом году нам выделено 14 бюджетных мест.

– Маловато. Человека три-четыре уйдет и уже будет заметно, а ведь может отсеяться и половина.

– А нам говорят – учите так, чтобы отсева не было. Набирайте самых талантливых, которые действительно хотят стать артистами и не разочаруются в профессии в процессе обучения.

– Но так не бывает. Даже самые способные

и профпригодные студенты могут заболеть, переехать, родить ребенка – и будут вынуждены уйти. А платные места есть?

– Обучение стоит более 120 тысяч рублей в год – самое дорогое отделение в вузе. Учиться надо четыре года. Те, у кого есть такие деньги, скорее всего, поедут учиться в Москву или Питер, это очевидно.

– Да, там и диплом «престижнее» и шансов засветиться в кино, еще будучи студентом, больше. Все театры республики громко сетуют на нехватку молодых кадров. Из нынешнего выпуска сколько ребят уже трудоустроено по специальности? И какая у них в итоге специальность – артист музыкально-драматического театра?

– В этом выпуске четверо получили специальность «артист музыкального театра», остальные – «артист драматического театра и кино». Возможно, в перспективе будет отдельный набор на эти две специальности, пока же поток общий и только на последнем курсе появляется специализация. Опять-та-

ки с 14-ю местами создать две полноценные группы невозможно. Из нынешних тринадцати выпускников пятеро получили диплом с отличием – это немало.

– Я бы сказала, что это много, и это показатель качества работы педагогов и вас, как руководителя курса.

– Спасибо. Но, к сожалению, «красный диплом» не гарантирует успеха, особенно в нашей профессии. Хотя некоторые уже работают: Салман и Белек Абасовы, Магомед Яхъяев – в оперном театре, Султан-Ахмед Идрисов – в Кумыкском, Магомед Алиев – в Театре кукол. Бахмудов собирался показываться в Русский театр, несколько девочек – тоже. При желании молодому дипломированному артисту в Махачкале и вообще в республике несложно найти работу. Тут несколько другая проблема: как прожить на зарплату, которую

предлагают наши театры. И здесь многое зависит от позиции театров, от их отношения к молодым специалистам. Например, Кумыкский всегда охотно брал студентов, их сразу задействовали в спектаклях, причем назначали время репетиций так, чтобы ребятам не приходилось прогуливать занятия. В Лакском театре как-то изыскивают возможность платить побольше и тоже подстраивают график. В итоге к концу учебы ребята успевают привыкнуть к коллективу, чувствуют свою востребованность, и небольшая зарплата уже не является решающим фактором. Ведь есть разница, когда ты только пришел в труппу, никого толком не знаешь, ролей нет, да еще и денег мало – легко махнуть на все рукой и уйти, пока не поздно. А если к моменту получения диплома проработал несколько лет, что называется, обжился, обзавелся друзьями – тут

уже трижды подумаешь. Последние годы к нам не поступают абитуриенты, владеющие родными языками. Это большая проблема и решать ее, наверное, надо совместно с национальными театрами. У нас есть положительный опыт, когда мы целенаправленно готовили кадры для национальных театров: на базе национальных студий в республике не так давно были открыты Ногайский и Табасаранский театры. И сегодня театры, нуждающиеся в молодых кадрах, могли бы организовать студии, привлекать способных ребят, заниматься с ними родной речью.

– Те, кто учится у вас сегодня, отличаются от тех, кто учился десять и больше лет назад? По программе будущим артистам нужно много читать, анализировать – мировую и отечественную классику. Как длинные тексты поколению, которое привыкло общаться короткими сообщениями?

– Что касается общекультурного развития, широты кругозора, то, да, сейчас абитуриенты подготовлены хуже. Но это не их вина, если в школе их сейчас учат вот так. С другой стороны, нынешние выпускники очень самостоятельные и прагматичные. Мне есть с чем сравнить, это мой пятый выпуск. Почти все работают в анимации, участвуют в концертах, каких-то рекламных проектах. С прошлыми курсами мы могли до ночи беседовать об искусстве, обсуждать спектакли или фильмы, делиться впечатлениями, кто что увидел, кто что прочитал.

У нынешних нет на это времени, они постоянно заняты. На занятия ходят, задания выполняют, но не более. Они более закрытые, что ли, самодостаточные. Я их не упрекаю. Они просто другие и с ними надо по-другому работать. Действительно, длинные тексты теперешние студенты воспринимают тяжело. Но читают, стараются, понимая, что без этого в профессии никак.

И хотя им хочется чего-то повеселее и попроще, работаем и с серьезными классическими произведениями. На последнем экзамене по сценической речи, который мы в порядке эксперимента проводили на сцене Театра поэзии, в исполнении Джамилы Закарьяевой, Динары Махачевой и Радмилы Омаровой прозвучал поэтический спектакль на стихи Ахматовой по сценарию Галины Лаврененко «Простить себя».

Нам бы очень хотелось его сохранить и еще хотя бы раз показать в Театре поэзии.

Магомед Бисавалиев

Выживший

Это была поздняя осень 1946 года. Жители верхнего участка Тлярятинского района через перевал спускались в Алазанскую долину, в Джаро-Белоканы, чтобы привезти оттуда пропитание на зиму, пшеницу везли, кукурузу. Поехал туда вместе с женой один тлебелав (житель Тлярятинского района). В пасмурное осеннее утро он вышел с женой на базар в Белоканах, чтобы купить кукурузную муку для семьи. На базаре один джарский старик показал ему на облака, которые затянули небо, и сказал:

– Ожидается снегопад. Если тебе в горы надо, то вряд ли успеешь, никто не успеет в такую погоду...

Между Белоканами и Джурмутом Большой Кавказский хребет, где снега бывают почти до лета. К словам старика молодой человек не прислушался. Рискнул пойти в горы. Там, в горах, семья, маленькие дети, которые ждали родителей. Нельзя было не идти.

Они с женой шли пешком, каждый на спине нес больше половины мешка кукурузной муки и разную мелочь. Когда приблизились к перевалу, уже шел снег, усиливался ветер. Горец с женой остановились и посмотрели на оставшиеся внизу Белоканы.

– Если за три-четыре часа успеем перейти самую вершину, то по ту сторону будет легче, – сказал мужчина молодой жене.

Она плакала и умоляла:

– Вернемся обратно. Мне все хуже становится, я не смогу больше километра пройти, а снег и буря все усиливаются!

На подъеме от Белокана они встретили всадника, спускавшегося с гор. Он объяснил молодому человеку, что перевал практически закрыт, и не смогут они перейти.

– Тем более женщина не сможет, видно, что она совсем слабая, – сказал он.

Жена сказала, что не пойдет дальше. Горец бросил на нее суровый взгляд и, не повысив голоса, сказал:

– Ты хочешь вместе с падавав (азербайджанцем) вернуться?

Она поняла упрек и молча последовала за мужем. Ветер бил им в лица. Азербайджанец еще помедлил, глядя, как теряются в начинающейся снежной буре два темных силуэта, и продолжил свой путь.

На следующее утро во дворах Белоканов были метровые сугробы. И азербайджанец сказал белоканцам, что один тлебелав с женой пошел в горы против бури. Судя по снегу, вряд ли он дошел до дома, скорее достанутся их трупы волкам на перевале. Узнать о его судьбе невозможно – тогда не было никакой связи гор с Цором. Оставалось дожидаться весны и открытия перевала.

Прошла зима, наступила долгожданная весна. Два джурмутца, дядя моего отца Али и его друг Шамсудин, отправились в Белоканы, чтобы забрать лошадей, оставленных там на зимовку. Почти полдня прошло, пока они добрались до перевала. Вытащили мешочек с толокном и сыром, пообедали и прилегли чуточку отдохнуть. Али почти задремал, а Шамсудин все не мог успокоиться, время от времени с тревогой оглядывая окрестности. Вдруг он вздрогнул, оглянулся и крикнул Али:

– Ты слышал?!

– Что?

– Какой-то шум...

– Где?

– Где – не знаю, появляется и исчезает.

– Кажется, это шум куропаток, нет?

– Не знаю... нет!!! Нет!!! – крикнул он и побледнел. – Я слышу зикру, зикру это!!!

Али потом рассказывал моему отцу, а тот передал мне.

«Вокруг не было ни души. Только скалы, снег, и будто из-под земли шел голос. Мы побежали на звук. С каждым нашим шагом этот хриплый, слабый голос, читающий зикру, становился отчетливей и больше походил на человеческий. Мы обогнули обломок скалы, спустились чуть ниже и оказались перед громадным сугробом. На его белом боку темнело отверстие. Мы заглянули туда. Спиной к нам лежал человек и читал молитву. Худой, как скелет, полуживой, он читал без остановки и слегка кивал головой то в одну, то в другую сторону.

– Ле-е!!! – крикнул я.

Лежащий не повернулся. Я запрыгнул внутрь и шлепнул его по плечу. Он вздрогнул, медленно, тяжело повернулся, и тут же закрыл глаза от резкого солнца. Его лицо бледное, заросшее бородой, было таким изможденным, что глаза казались огромными. Он все время мелко дрожал и не мог говорить. Я схватил его под мышки, вытянул наружу и потащил по снегу дальше от сугроба, на солнце.

– А с ней что будем делать? – спросил меня Шамсудин.

– С кем это, с ней? – спросил я.

– Ты там женщину не увидел? Она мертва, – сказал Шамсудин.

Я кинулся обратно, и только тогда почувствовал сладковатый трупный запах. Она лежала в уголке снежной пещеры. Недалеко от нее, там, где лежал мужчина, был почти пустой мешок. Когда я поднял его, оттуда высыпалась горстка кукурузной муки...

Они с женой вырыли эту нору, чтобы переждать бурю. Но, когда буря кончилась, оказалось, что перевал завалило. Не было дороги вперед, к дому. Не было ее и назад, в Белоканы. Через месяц жена умерла. Пять месяцев он провел рядом с ее трупом, питаясь кукурузной мукой, которую они не донесли своим детям. Выжил.

– Я помню его, он приходил в гости к дяде Али, человеку, который нашел его и спас ему жизнь, – рассказывал мой отец. – Мне казалось сперва, что он передвигается на корточках. Оказалось, безногий. Сначала обморожение, потом началась гангрена, пришлось ноги отрезать до бедра. «Ходил» он так: выбросит руки вперед, обопрется на них и подтягивает туловище с культями. Дожил почти до 70 лет».

Эту историю я рассказывал много раз, и каждый понимал ее по-своему.

Одни думали, что она о легендарном горце, которому хватило крепости духа, чтобы выжить в холоде, голоде, во мраке. Ни звери, ни стихия, ни голод не сумели забрать у него жизнь. Другие считали, она про то, как вера во Всевышнего и молитва спасли человека. А третьи говорили, что это все про упрямство и гордыню. Из-за них горец не остался в Белоканах, погубил жену и сам чуть не погиб. Еще есть такие, кто точно знает: история о том, какой тяжелой и опасной была раньше жизнь горцев.

И они все спорят и ругаются между собой. Я тоже спорщик, но тут молчу. Если кто и знал правильный ответ, так только сам этот горец. И не тот, молодой и сильный, что шагал к перевалу, не оглядываясь на жену. А безногий старик, который каждую ночь ждал, что смерть, белая как сугроб, встанет у его постели.

Магомед-Расул

Разве так можно, папа?!

Глава из повести «Сила духа»

Аматулла очень удивила мужа, предложив резать петуха в честь куначки. Было время, когда Алихан, не смущаясь, с легкой душой мог резать барана или курицу. Что, мол, тут особенного? Все так делают. Чем он отличается от других? Впрочем, как и другие, оказавшиеся в его положении, он и думать не думал, какое насилие совершает при этом над живым существом.

Странно устроен человек: пока беда не коснется его, он продолжает пребывать на поводу всеобщего заблуждения.

Да и Алихан на многие общепринятые вопросы начал смотреть как-то иначе после того, как сын Амир не только стал дружить с животным и птичьим миром, но и творить чудеса изобретательности, проделывая с ними разные трюки. И особенно – после трагической смерти дочери-вегетарианки Кулгум.

Алихан, человек, скептически относившийся к телевизору и не приемлющий Интернет, стал заинтересованно следить за битвой экстрасенсов по телику. От одного эпизода до сих пор не может прийти в себя.

На сцену вынесли что-то, в несколько слоев завернутое в непроницаемую черную ткань, и предложили экстрасенсам,

не дотрагиваясь до свертка, определить, что в нем скрывается. Из более чем десятка экстрасенсов России и Дагестана, Америки и Индии трое безошибочно пояснили: в свертке – твердое вещество, скорее всего – камень, но не отечественный, а привозной; в камне отдаются эхом стоны и крики измученных людей, плач детей, истерические вопли, звуки выстрелов; камень, мол, свидетель давно минувших трагических событий, которые до сих пор не перестают болеть в нем.

О том, что скрывается в свертке, не знали и сами ведущие передачи.

Когда раскрыли сверток, в нем оказался обожженный кирпич из концентрационного лагеря Освенцима, где семьдесят с лишним лет назад немцы замучили и истребили сотни тысяч невинных людей.

Да, Алихана поразила пронизательность экстрасенсов. Но более всего тронуло его то, как кирпич реагировал и по сей день реагирует на людскую боль! Выходит, камни не бездушные предметы, какими обычно представляем мы их?

Более того, человек со временем не только привыкает к чужой беде, но и надолго забывает о ней. А камни, ставшие свидетелями человеческой беды, несут эту боль с собой вечно!

Кто здесь более живое и разумное существо – человек или камень?

Кто ответит?!

Окружающий мир (земля и небо, реки и моря, горы и скалы...) Алихан стал особенно близко воспринимать как живой организм после одного, еще до сих пор загадочного для него случая.

Его семнадцатилетняя дочь Кулгум, обезумевшая от подлости близких людей, под утро в звездную ночь бросилась с Верблюд-скалы и разбилась. Поговаривали, что ее последние слова: «Мама! Прости меня, мама!», унесенные ею с собой, ночами время от времени отзываются эхом в гранитных стенах Верблюд-скалы.

Алихан считал это выдумкой слишком эмоциональных и неуравновешенных людей, но его не покидало желание убедиться: так это или нет. И вот поздними ночами, когда жена и дети безмятежно спали, он пробирался к Верблюд-скале и прислушивался к посторонним звукам. По-детски звонкий серебряный голос дочери он мог различить из тысяч других. Каких только звуков – животных и птиц, рек и водопадов, земли и неба – не слышал Алихан, но голоса дочери среди них не было. И вот однажды, когда он, совсем разочаровавшись, собрался домой, его будто кто-то схватил за шиворот и повернул к Верблюд-скале. Он ясно, в здравом уме своем услышал кристально чистый надрывный голос дочери: «Мама! Прости меня, мама!», повторяемый стенами скалы. Потеряв дар речи, он долго простоял на этом месте и не помнил, как вернулся домой.

Однако, приняв это за наваждение, Алихан еще не раз подкрадывался к скале и каждый раз слышал неповторимый голос дочери. Он никому ни слова не сказал об этом, боясь, что его примут за ненормального.

Сейчас ему и к скале ходить не надо было: стоит настроить себя на слушание голоса дочери, как в ушах и голове раздастся: «Мама! Прости меня, мама!»

И потому, наверное, к предложению жены зарезать петуха – совершить наси-

лие! – он отнесся крайне неодобрительно. Но его не переставал беспокоить долг перед желанием куначки, исполнение которого является священным долгом для хозяина. Ведь, по обычаю отцов, если даже враг-убийца заявится к нему в гости, хозяин и пальцем не тронет его – накормит, уложит спать и не даст никому в обиду, пока тот не покинет его дом.

Тяжело вздохнув, Алихан с перочинным ножом в кармане и горсткой пшеницы в руке спустился во двор.

Решил пустить под нож серо-буро-малинового Лису – как наиболее упитанную птицу. Курицы и петухи накинудись на разбросанную пшеницу, тесня и наскакивая друг на друга. Улучив момент, Алихан несколько раз пытался поймать Лису, но он удачно ускользал из-под рук. Почувствовав неладное, петух в воображении своем измерял расстояние между собой и вытянутой рукой Алихана и ел на безопасном удалении, недоброжелательно косясь одним глазом на хозяина. Обратив внимание на то, как гордо и независимо, словно бравый солдат Швейк, ведет себя старший брат, когда в очередной раз Алихан выбросил руку, Лиса как бы ненароком подтолкнул к нему Хулигана. Красно-желтый петух оказался в руках Алихана, и он больше не стал заниматься этим незавидным выбором. Окинув презрительным взглядом Лису за его подлость, Алихан загнал кур и петухов в курятник и осмотрелся. Ему важно было совершить злодейство как можно скорее и без посторонних.

За каменной лестницей, переминаясь с ноги на ногу, стоял ослик Лихбар и прядал большими оттопыренными ушами, тщетно пытаясь избавиться от назойливой мухи. «Значит он, – подумал Алихан, – занят собой, и ему не до того, что происходит вокруг».

На противоположной стороне под яблонями у конуры лежал лохматый Каплан, положив на передние лапы морду, и миндалевидными глазами удивленно смотрел на хозяина; он не помнил, чтобы Алихан был так рассеян и невнимателен к нему и Лихбару, – спускался ли во двор, возвращался ли домой, он не оставлял их без

приветствия. Да и не возился он никогда с птицами! «Но мало ли что с человеком может случиться, – думал Каплан, прощая хозяина. – Даже я, не обремененный лишними хлопотами и обеспеченный всем что нужно, не всегда бываю в хорошем расположении духа».

Между тем Алихану и в самом деле не до них было. Он вынул из кармана нож, соединив оба крыла, положил петуха на землю, наступил на ноги и, произнеся «Бисмиллахирахманилрахим», дернул ножом за горло. Пытаясь как можно скорее освободиться от неприятного дела, Алихан сделал шаг назад и стал свидетелем того, как петух вздрогнул, захлопал крыльями, подпрыгнул и замотался по двору, неся с собой на недорезанных жилах голову и брызгаясь кровью. Алихан опомниться не успел, как петух подскочил к ослику, вспорхнул, словно пытаясь сесть на него, но ударился о бок, обрызгал его кровью и упал...

Ослик от ужаса шарахнулся в сторону, больно ударился головой о стену и тупо уставился куда-то вдаль ничего не видящим взглядом: что, мол, за такое бесчинство творится в таком мирном и дружном дворе?!

Алихан поспешил было к петуху, чтобы отделить голову от туловища и покончить с его мучениями, но петух выпорхнул из-под руки и поскакал к Каплану, будто прося у него помощи и спасения.

Увидев перед собой торчащего окровавленного красно-желтого красавца, минутами

раньше по-королевски шагавшего перед ним, Каплан впервые струсил и, поджав хвост, юркнул в конуру.

Алихана он не узнавал: он это или чудовище какое-то в его облике?!

Алихан наконец схватил издыхающего петуха, отрезал голову и подкинул ее коту Курмяву, возвращавшемуся после уличных походов, задрвав черный пушистый хвост, что свидетельствовало о его удачной вылазке. Учув запах крови, кот принялся к голове и тут же увидел рядом дергавшегося от конвульсий обезглавленного Хулигана, с которым менее чем час назад играл от безделья в догонялки. Глянув на испачканный кровью бок Лихбара и высунутую из конуры печальную морду Каплана, Курмяв ничего толком не понял, жалобно мяукнул и стремительно поднялся по лестнице домой, будто боясь, что такая участь может постигнуть и его.

Алихан еще никогда не помнил себя в более идиотском положении. Тяготясь всем этим, не заметил, как окровавленное лезвие ножа вытер о белую безрукавку и невпопад засовывал нож дрожащей рукой в карман, приговаривая: «Астапируллах! Астапируллах!»

В это время с футбольным мячом под мышкой в воротах появился Амир. Не веря глазам своим, он какое-то время стоял как вкопанный. Потом закричал не своим голосом:

– Па-апа! Что ж ты сделал?! Разве так можно, папа?!

И бросил в отца мяч. Это был дерзкий поступок сына по отношению к отцу, авторитет которого был непререкаем.

Но отец и не думал обижаться:

– Прости, сынок. Так получилось, – затравленным голосом произнес Алихан и, раскачиваясь на непослушных ногах, с поникшей головой поднялся наверх и уединился в мастерской.

Юлия Зачесова

Кумир

Амина долго не могла уснуть. Она вертелась в постели, то и дело закрывая глаза, но сон не шёл. Сегодня она наконец попала на концерт Ахмеда Бакидова, песни которого очень любила! Этот парень с гитарой, поющий на сцене, ещё два года назад покорила её сердце, когда она, ещё совсем девчонка-семиклассница, впервые увидела и услышала его по местному телевидению. Амина стала собирать его песни на диске – Ахмед, в отличие от большинства исполнителей, сочинял себе песни сам.

Отчаявшись уснуть, она села на постели, спустила на пол босые ноги – и поджала их: пол был прохладный. Потом встала, подошла к зеркалу. На неё в полумраке комнаты смотрела пятнадцатилетняя девочка с длинными тёмными волосами, нежными чертами лица и большими глазами в обрамлении длинных пушистых ресниц. Цвет глаз не был виден, но они были ярко-синими – этот цвет Амина унаследовала от бабушки Марфы. Девочка долго рассматривала себя в зеркало и чувствовала одновременно печаль, сомнения и надежду. На концерте она не прыгала, не кричала и не пыталась пробиться на сцену, как некоторые её сверстницы, хотя это было осуществимо – она сидела во втором ряду и видела его совсем близко, ей даже показалось, что он несколько раз посмотрел на неё.

Амина даже на гитаре решила научиться играть, когда услышала его песни; двоюродный брат показал ей аккорды и подарил свою старую

гитару. Девочка оценивающе смотрела в зеркало, пытаясь увидеть себя глазами Ахмеда. А если вдруг представится случай, захочет ли он познакомиться с ней? «Ну что за фантазии, – вспомнились вдруг Амине мамины слова, сказанные вечером, когда она пришла с концерта воодушевлённая, с сияющими глазами. – Ты представляешь, сколько у него поклонниц? Да он на таких восторженных дурочек и не смотрит. Не забывай себе голову глупостями, учись! Через пару лет будешь в медицинский поступать!» Амина вспомнила толпы девчонок у сцены, но никакой досады не испытала. Ахмеда любят – разве это плохо? Нет, это хорошо, даже очень...

А с Ахмедом она всё же постарается познакомиться. Но как?..

И тут смутная идея забрезжила в её голове. У её одноклассницы старшая сестра – журналист. Она попросит Умукусум, чтобы её сестра договорилась об интервью с Ахмедом, а на само интервью взяла бы с собой её, Амину!

Девочка тихо захлопала в ладоши, вернулась в кровать. И принялась обдумывать идею, покусывая ноготок. У неё было много вопросов к Ахмеду. Она была отчего-то уверена, что им будет о чём поговорить...

* * *

– Ахма! Ахма, опять ночами не спишь?!

Ахмед, почти неслышно наигрывающий на гитаре новую мелодию на кухне, чтобы

не разбудить домашних, невольно вздрогнул. Резкий голос старшего брата вырвал его из задумчивости. Почти сочинённая новая песня оборвалась и улетела – как дымка, потревоженная порывом ветра. И чего понадобилось Мураду вскочить в час ночи?

– Придурок. – Сонная физиономия брата появилась в дверном проёме. – Сколько тебе отец говорил – бросай свои песенки, займись делом?! Чё, пользуешься, что отца дома нет? Так я скажу ему, что ты вместо ювелирки на гитаре тренькал! Тебе поступать надо в универ! Или в армию хочешь загреметь? Чё, надеешься, не призовут? 18 уже исполнилось, или забыл? Повестку не принесут – так я договарюсь, чтобы призвали, если не поступишь!

– Мурад... – попытался остановить его Ахмед.

Он хотел сказать, что сам поступит на тот факультет, который выберет, а если нет, то от армии «косить» не собирается, но брат не дал и рта открыть.

– Я знаю, что я Мурад! Спать бегом, а то щас твою гитару в щепки!

Ахмеду не понравился тон брата. Он пристально посмотрел на Мурада, но спорить не стал – спор всегда шумен, а шум разбудит больную мать.

– Ладно, сейчас лягу, – сказал он.

Брат ушёл, а Ахмед вышел на крыльцо.

Моросил мелкий дождь. Ахмед, щурясь, смотрел вверх. В ночной тьме тучи казались белыми. Недописанная песня потихоньку возвращалась. И возвращалось, выплывало из тьмы лицо совсем юной девушки, которую он заметил сегодня со сцены. Она сидела во втором ряду и смотрела на него. Глаза её были синие – это он разглядел. И отчего-то именно она, а не кричащие девчонки, привлекла его внимание. Ему даже казалось, что он поёт для неё... И он решил, что после концерта обязательно подойдёт к ней, но когда зажётся свет, в толпе её уже не было. Как теперь разыскать? Узнать бы хоть имя...

– Ахма, спать! – донеслось из дома.

«Что ты орёшь?! – рявкнул Ахмед мысленно. – Мать спит!» Он взглянул в небо, тряхнул головой и зашёл в дом.

Сестры

– ...Я сказала, будешь поступать на юридический! Всё давно решено! И не спорь со мной и отцом!

До Марьям, спрятавшейся за дверью, доносились сердитые восклицания матери и всхлипывания старшей сестры Наиды. В этом году сестра оканчивала школу, и ей предстояло поступать в вуз. Сестра была всерьёз увлечена рисованием, её хвалили учителя – талант ей передался от деда-художника, живущего в селении, – и Наида мечтала поступить на художественно-графический факультет. Марьям знала, что сестра видит себя в будущем только художником. Но у родителей были иные планы на её счёт.

– Мама! Я не хочу быть юристом! Я рисовать хочу!..

– Что за детский сад! Я тебе уже сказала, что мы с отцом решили. Сейчас самые престижные профессии – юрист и экономист! Ты будешь юристом, а Марьям – экономистом!

Марьям съежилась за дверью. Экономистом... Она ходила в музыкальную школу и, хотя только перешла в шестой класс, но уже решила, что станет пианистом и будет играть на сцене Рахманинова, Моцарта, Баха и «Лунную сонату» Бетховена – она ещё в девять лет самостоятельно разучила её по нотам, к большому изумлению учительницы Веры Львовны.

– Мам, – Марьям решила высунуть нос из-за двери и вклинилась в разговор, – я не хочу на экономический...

– Ещё одна! – мать всплеснула руками. – А ну марш уроки учить! Мы с отцом о вас печёмся, а вы не цените! Ничего, потом ещё спасибо скажете!..

...Ночью сёстры долго не спали. Они лежали в своей комнате, стены которой были увешаны рисунками Наиды с изображением летящих коней, заснеженных гор, парусников

на волнуемом море, фантастических островов и зверей, – и тихо беседовали.

– Всё равно буду учиться на художника, – твердила Наида, обиженно утирая слёзы, невидимые в темноте. – Магомед Аминович, наш педагог, взял мои рисунки на выставку в Индию, там они понравились, меня пригласили на международный фестиваль юных художников...

Марьям сочувственно слушала и думала, как помочь сестре. Ведь и ей в будущем грозит обучение нелюбимой профессии... Она любила маму и папу, но от мечты отказываться не собиралась. Она будет музыкантом! И сестра должна стать художником, ведь у неё есть талант. Марьям понимала, что Наиде не удастся поступать на худграф так, чтобы об этом не узнали родители, а если они узнают – скандала не избежать. Значит...

– Наида, а если попросить дедушку, чтобы поговорил с родителями? – поделилась она с сестрой внезапно возникшей идеей. – Дедушку они послушают.

– Как? – всхлинула Наида. – Ты же знаешь, у деда в селе телефона нет... Не любит он никаких гаджетов. И соседи его давно все в городе живут. А документы на поступление надо сдавать уже скоро.

Марьям промолчала. Она обдумывала план...

А вечером следующего дня в их дверь раздался звонок. Открыл отец. И с удивлённым почтением отступил на несколько шагов, давая войти гостю:

– Дядя Осман? Ас-салам алейкум!

– Ва алейкум ассалам, Муслим. – На пороге стоял седобородый крепкий старик, пожимая руку хозяину. – Вот приехал навестить вас. Где Гульнара? Где внучки?

Мать вышла из кухни, изумлённо улыбаясь:

– Отец! Рада тебя видеть.

– Де-едушка! – с радостным криком Марьям выскочила из комнаты и запрыгала вокруг деда, хлопая в ладоши.

– Тише ты, баловница, – урезонил её дед, посмеиваясь в густые усы. – Подросла за год, машаллах, а всё такая же непоседа! А Наида где?

– За чуреком ушла, – ответила мать. – Проходи, отец, я как раз хинкал приготовила...

Семья села за стол. Мать подала каждому по полной тарелке ароматного хинкала.

Вернулась со свежим чуреком Наида.

– А вот и ты, внучка, – удовлетворённо кивнул дед Осман в ответ на радостное приветст-

вие девушки. – Школу ты окончила, пора дальше учиться. Рисуешь ты хорошо, тебя должны принять на худграф. Приехал я тебя перед поступлением немножко подготовить...

– Но, отец, – нерешительно начала Гульнара, – мы думали отдать её на юриста...

– Какого ещё юриста? – нахмурился дед Осман. – А моё дело кто продолжит? Я сам только художественную школу окончил, а Наида пусть дальше учится. Если есть талант – грех перед Аллахом не развивать его! Пусть художницей будет!

Хозяева не нашлись что возразить. Лицо Наиды светилось счастьем. Радовалась и Марьям, глядя на сестру.

– Ну... хорошо, – сдался Муслим, взглянув на жену. – Пусть поступает на худграф. Но чтобы училась там на «отлично»! – Он строго взглянул на старшую дочь.

Наида энергично закивала.

– Да-да, я буду!..

...Поздно вечером сёстры снова лежали в темноте и шептались.

– Как хорошо, что дедушка Осман приехал! – радовалась Наида. – Так неожиданно, словно почувствовал, что он очень нужен!

– Это я его позвала, – сообщила Марьям как ни в чём не бывало.

– Как?! – поразились Наида. – Каким образом?

– Ты забыла, что наш сосед дядя Нариман – отец Рашида, одноклассника Руслана – племянника тёти Хадижат, которая носит молоко хромому Хабибу, сын которого Вакиль на маршутке в наше село ездит. Вот я рано утром забежала к соседям и передала дяде Нариману просьбу для Вакиля, чтобы, как будет в селе, сказал нашему дедушке: Наида, мол, хочет поступать на художественный факультет, а родители не разрешают. Вакиль, оказывается, через два часа поехал в село – и передал. И дедушка решил сам приехать. – Марьям довольно улыбнулась.

– Какая цепочка людей... – поразились Наида. – Слушай, а может, у тебя и экономические способности есть?

– Я буду музыкантом! – выпалила Марьям. – Это решено!

– Ну конечно, я шучу, – успокоила её Наида со счастливой улыбкой. – Теперь надо готовиться к поступлению... Спасибо тебе, Марьямка. Как хорошо, что ты у меня есть!

Дамир Саидгазин

Когда Каспийское море отступает, обнажаются вершины древнего города, скрытого под водой. Я не помню его названия, не помню имен людей, которые его населяли, но кажется, что я жил среди них. Эти воспоминания настолько смутные, что ни в одном факте нельзя быть уверенным наверняка. Лучше всего не обращать на эти флешбэки внимания, не придавать им значения, не верить. Но иногда в реальном мире я встречаю людей, которые рассказывают мне о том, что я вижу в снах. И тогда море возвращается, принося из глубин древние улицы, дома, целые кварталы; они оживают, наполняются шумом, голосами людей, цветами и запахами.

Готический собор

Недавно на городском пляже я познакомился с Петром, по виду приезжим. Оказалось, он махачкалинец, католик, жил в Дагестане, а в 90-е вместе с семьей переехал в Польшу. Когда я сказал ему, что в центре города на проспекте Ленина возводят строение в готическом стиле, он не удивился. Сказал, что хорошо знает новых хозяев здания. В детстве от бабушек он слышал много рассказов об этом месте.

По рассказам прабабушки, здесь еще шесть веков назад возвели настоящий готический собор. Как гласит семейная легенда, строил его в начале XIV века выдающийся зодчий из Константинополя Вацхат аль-Марджани, прозванный «белым арабом» из-за внешности – ярких светло-голубых глаз на смуглом лице. Он был учеником легендарного немца Мастера Герхарда, архитектора Кельнского собора. Не ясно, кто заказал эту постройку в Дагестане, но она была не единственной на Кавказе, хотя, похоже, единственной из уцелевших. Есть информация о небольшой церкви в готическом стиле, построенной аль-Марджани на территории современного Тбилиси, но, к сожалению, в XVII веке она превратилась в руины, предположительно, из-за ошибки в расчетах самого архитектора.

Интересно, что упоминания о махачкалинском соборе, устремленном в небо, можно найти в разных исторических источниках. В хронике «Дербенд-наме» говорится о некоем христианском храме на берегу Каспийского моря к востоку от Семендера. Собор в те времена, в самом деле,

стоял практически на берегу. В рукописях арабских ученых средневековья встречается информация, что вдоль побережья Каспия жила большая община христиан, центром которой был сходный по описанию собор. В XIV веке место для церкви было выбрано не случайно – здесь с древних времен находились культовые сооружения хазар. Лев Гумилев считал, что большая часть их скрыта под водами Каспийского моря, однако отдельные храмы можно обнаружить на побережье Дагестана. Таким образом, существование собора является косвенным подтверждением его гипотезы.

Один из предков Петра служил в этом соборе священником. Бабушки любили рассказывать, что готический собор выделялся не только своей красотой и необычной для этих мест архитектурой, но и высотой. Хорошо заметный с моря, он служил ориентиром для кораблей. Внутренняя часть арочных сводов собора была расписана библейскими сюжетами, а стены и витражи – картинами из апокрифов. Ровно в два часа дня яркий луч света пронзал восточное окно, и пространство в храме начинало переливаться разными цветами, будто в калейдоскопе. Всякий, кто входил в эту церковь, выходил из нее обновленным. Чтобы увидеть монументальное творение и его реликвии, в Дагестан приезжали паломники из разных уголков света, европейские зодчие изучали на его примере готическое искусство.

В начале XX века не католиков в церковь впускали только по воскресеньям, и многие приходили,

чтобы увидеть невероятной красоты интерьер храма и посмотреть богослужение. Так что немало коренных махачкалинцев побывало в нем, но в воспоминаниях они часто путают его с Александро-Невским собором на центральной площади. Здесь налицо известный историкам «эффект ретроспективного наложения», когда два похожих события или явления в прошлом вспоминаются как одно. На самом деле готический собор спрятали еще в 20-е годы, чтобы избежать уничтожения, а Александро-Невский разрушили в 50-е.

Трагическая страница в судьбе шедевра началась в XX веке. Возможно, священнослужители и католики, проживавшие в Порт-Петровске, понимали, что сохранить церковь при новой власти будет невозможно. Но как спрятать ее в центре города? Приняли трудное решение – демонтировали красивейшие устремленные вверх пинакли, вынули цветные витражи из окон, всю храмовую утварь и перенесли в подвалы. От прежнего сооружения остались только стены, часть сводов и контрфорсы. Здание было переделано под швейную фабрику. Возможно, здесь, где-то в подвалах, шли богослужения. Фабрика проработала на этом месте до перестройки. В середине 90-х родственники Петра практически за бесценок выкупили здание. С тех пор это место было спрятано от горожан высоким забором. Более 20 лет никто даже не интересовался, что за ним скрыто. Про него просто забыли. Городские власти игнорировали его, словно его никогда и не было на карте Махачкалы. У здания до сих пор нет даже своего номера.

Лет десять назад новые хозяева пригласили нескольких архитекторов из Франции с целью восстановить прежний облик уникального храма: ажурные своды, высокие башни и стрельчатые окна – одним словом, таким, каким он выглядел шесть веков назад, вызывая восхищение европейцев и арабов.

В семейном архиве Петра есть подробный план собора, а в подвалах здания до сих пор хранятся в почти нетронутым виде рукописи с религиозными текстами на латыни, церковная утварь,

чертежи сооружения, цветные витражи. То, что сейчас могут видеть махачкалинцы, – не строительство, а реконструкция этого храма.

Мы договорились встретиться с Петром следующим утром на море – он обещал познакомить меня с владельцами и принести старый рисунок собора. Но на следующий день он не пришел. Больше я его не видел. Вернется ли он в Махачкалу и как его найти – мне неизвестно.

Как он рассказывал, несмотря на добрые намерения, различные странные происшествия все больше отдаляют момент открытия собора. Реставрационные работы, которые планировали выполнить за год, растянулись почти на десятилетие. Первый архитектор, приехавший из Парижа, погиб через месяц при попытке провести измерения главного свода храма. Затем более двух лет бригада строителей искала по всему свету подходящую краску для внутренних работ – обычная просто не держалась на стенах, стекая на пол. В прошлом году из подвалов была украдена главная реликвия храма – меч, участник трех крестовых походов, обладавший, по христианской легенде, магическим свойством наделять воина гигантской силой и выносливостью. Нашли его на аукционе в Берлине. Петр уверен, что это не последний сюрприз, который их ожидает, прежде чем собор будет окончательно восстановлен. Словно само это здание, священное место, надолго забытое всеми, теперь сопротивляется встрече с людьми, растягивая время до бесконечности.

Марина Курсанова

Самурай

Дорогая Таня, похожая на мягкую подушку с неожиданно тяжелыми глазами – хотя какие же глаза у подушки(?), а ротик, выписанный тоненькой кисточкой, как распрорешечка в цельной, без пуговиц и замков, наволочке.

«Безружь – бескровный вид».

Ух, надела клетчатый сарафанчусек да за сто пятьдесят долларов, да пошла себе сажать цветики, да по всему Подмоскovie.

Грит, есть-имеется и жених сердечный.

А ведь начинала с кедров. Кедрогaды – замечательная мысль в будущее, восстановление светлого экологического пространства. Увлечение народа.

«Загоранивать (о морской воде) – начать отзываться горечью».

«Ангелика – рослое бурьянное растение».

Девушка Таня, родом из деревни, выросла в среднеевропейском городе. Среди чужих кривостеклых окон, что в три ряда украшали цветные фасады на центральной площади. Таня гуляла по улицам, блестела зубами по вечерам, поводила плечами, даже напивалась.

Все – зря. Мужики были не те, или Таня искала их не там.

Тогда Таня рано отказалась от тела как от соблазна. Отказалась – и тело удивленно

примолкло, забытое, потемненное, ожелтевшее вдруг, как одуванчик ближе ко второй половине дня.

Таня ходила в церковь, тихо слушала светлoзвездчатое пение на фиолетовых завесах – вышивку, плакала священнику о своих греховных помыслах, и все «что-то» – с шерстью и пастью внутри ее тела, умиленно и пригрето засыпало: нелюбимое дитяtko в колыбелечке, что качалась уже, уже, уже.

«Глеча – игра в жемчуг, желтоватый блеск».

«Глень – влага или сок».

Самое главное в жизни самурая – смерть, и жизнь самурая вся посвящена главному событию, – узнал Антон Квинтий, нашего пошиба золотокожец с короткими ногами бегуна.

Утром Антон вставал и моментальной ртутью вливался в работу, даже не деля зарядку, а иногда и не завтракая.

От вхождения жизнь напрягалась и выгибалась каким-нибудь божественно прекрасным получасом пышнопынозеленого парка – неожиданного на пути, или же спиральной коричневой запаха свежесмолотого кофе в только-только растворенной кофейне – обычно пропускаемой мимо тела, но иногда надеваемой на, особенно спокойно и потому прекрасно.

Антон Квинтий, похукивая, распускал плечи под лагами, снимал крылатые сандалеты фирмы Гуччи. Наслаждался паузой, любовался внутренним покоем.

Преодоление топорщило короткие крылышки марсианского шлемчика с противогоазной кольчатой трубкой по шву в пах воздуха.

С удачей, зажатой между губ, твердых и поросших щетиной, – и девушки навсегда смеются в окнах, – и вдруг смерть?! О, тогда это будет смерть героя?!

– Нет, – повторялся Антон, – героизм – это непонятно. Смерть – вот простое, но чему стоит посвящать бытие.

Однажды в парке Антон встретил Таню. Таня стояла на коленях около разрытой земли и вздыхала. Таня была желтоватого цвета, в клетчатом дешевом сарафанчике, и не боялась запачкать дорого обернутых тканью коленок. Коленок – тяжелых.

Антоний забыл о смерти. И о геройстве. Ему захотелось лечь в землю возле тяжелых затканых клетчатым колен навсегда, но это – удивительно, была самая что ни на есть жизнь. По евростандарту.

«Загамзить (денежки) – подальше спрятать».

Холодный утренник на Анну – к холодной зиме.

«Аннушки – кариатиды (строит.)».

Москва являлась Тане в виде то пирожков в рюмочной, то ободранной шубки заячьего цвета, то пьяной подружки на ночь с грибком на ножных пальцах.

– Неужели только этого я и заслужила? – И Танины глаза текли слезами на мятом по ночам.

С другой стороны:

1. Таня хочет денег. Чтобы воспитывать дочь, по глупости-страсти рожденную от слабого Ньюши, пьющего и потому хронически невменяемого, который, кстати, женится на китайке, профессорше МГУ.

2. Таня хочет замуж. Чтобы припасть ночью к родному плечу, обцеловать выпирающие костяшки или жирные ямки – все равно, наговорить в поцелуи всю страшную жизнь и, всхлипнув, уснуть, повернувшись и впав спинкой в животоколенность,

часто поросшую шерстью. Или, наоборот: вобрав чужое-родное-длинное-дерганное в свое как свое.

Исходя из этого: Таня с гневом отвергла любовь большого, но прыщавого и женатого поэта – и не оттого, что прыщав, и уж, конечно, не потому, что велик, а оттого, что женат. Жена, венчанная, отдавшая не-большой, но личный поэтический талант в пользу мужа, разбила бутылку из-под шампанского на голове предыдущей великой поэтовой любви.

Страсти! На страсти жизнь не держится, расплзается. Взять только символов, которые из сказки, то есть из стихов, сделали быль: тот же Блок, все кончилось смертью, – знает грамотная Таня.

Впрочем, и поэт, который написал, что жену жалко, потому что она жила в России не символиста, а очень даже акмеиста Мандельштама, – не лучше. Бутылки тут при чем?

У цепок нет, правильности.

А может, просто что-то не зазвучало в полный звук – и потом нашли говорильное оправдание? Бог его знает. Словесники же!

Есть мнение, что в России, и не в России тоже, поэты умирают ввиду отсутствия любви. И непоэты – тоже.

Таусинный – темно-синий Бог.

Любовь – в церкви. А после сорока – так вообще исключительные сестринские чувства к противоположному полу.

Но, с кровью оторванная, вдруг живая, не входящая в планы, любовь, замешанная на соленых облизах слез и прочих секретных выделениях, снятая вечным слепком с остеохондрозной поэтовой спины, втиснутая, вбитая в Танино мяконькое тело железом смертного позора и морозом адского вождения, – эта богомерзкая любовь, вернее, место ее прироста и, соответственно, отрыва – ждала бальзамов и целебных порошков, настоек и задуваний, прохладно пахнущих. И что лучше замужества затаит, задует и утешит?

Мандельштам с Блоком, Пушкин с Лермонтовым – все повымерли.

«Марушка Марджа – русская баба», – так говорили еще кавказцы из прошлого века.

«Увей – вся тень».

«Баса – изящество, краса».

«Позвонец – колокольчик».

– Антошечка, – говорила Таня Квинтию Антону, когда позвонила ему по телефону, – дай мне с дочкой денег, а то мы умрем с голоду под забором или на вокзале. Мне ж голову некому на плечо преклонить в твоей дурацкой Москве!

– Иди работай, Таня, – сказал Антон, обнимая длинными золотыми ручками на коротких золотых ножках сейф (жар этих объятий чувствовался даже по телефону) и не отзываясь никак на позывной «голову – плечо».

...А по глупости даже сказала как-то Антошечке, что хочет от него ребеночка, потому что и вправду хотела, и знала, что все здесь будет хорошо, что родной, как в церкви. Сказала в темной мятой постели, в чужом доме, где не маячил голод, и все, казалось, могло сложиться по-другому, не так, как с Нюшей. Хотя и не так, как с этим.

– Иди работай, Таня, – сказал Антон тогда впервые, поразмыслив над предложением о ребеночке.

Таня, тогда еще, конечно же, без са-рафанчушка за сто пятьдесят долларов, утерла жемчужные слезки, зло блеснула жемчужными зубками в прошве-распорке и пошла не то чтобы работать, но зарабатывать.

И кто сам ничего не умеет, обладает единственным шансом – организовать других.

Крылатые слова любимых поэтов, соединенные с практическим шагом, сподвигли. Таня собрала 12 человек садоводов и огородников, ленивых москвичей и подмосковцев, узнала все о кедрах и фэншуевских соснах и пошла по свежим дачам, безжалостно пуча глаза навстречу скаредным заказчикам ново-юных эдемов. Но об этом уже говорилось в начале.

На деле поехала в пригород, хотя не хотелось никогда, повезла навоз и дерн, и отняла у своего душевного и вдохновенья все, ничем и никем не заменяя.

Вместе с тем. У нее появились секретари и все остальные (все как один, вернее, все как

одна – девицы), и даже поклонники и знакомые, среди которых тоже, кстати, поэты.

Можно восхищаться по линейке, выведенной из лба вперед, и пробежать линейку восхищением как маленьким мальчиком перед прыжком в воду, зеленую, бассейна. Можно восхищаться без разбору кинорежиссерами, певцами, поэтами, дизайнерами и богатыми людьми. То есть всеми талантливыми и теперь доступными как равными. Можно, а не получается, не хочется. Непонятные законы прибыли прибили.

«Птах – летучее животное в перьях».

«Предчине – место древнего жертвоприношения (церк.)».

Прошло несколько лет. В одиночестве. В сам-на-сам с Богом, в упрямом движении – куда? куда?

Поэт как-то пришел одолжаться на 500 долларов, потряс башкой:

– И зачем тебе деньги, Таня? Большие деньги – большие хлопоты: или кто заболеет, или трубу прорвет водопроводную...

Суеверная Таня дала ему сумму. Еще давала одиноким огородникам с детьми на руках – спасала себя и дочь от болезни, от трубы. От прорыва.

Все же давать денег, кровных, было жалко, и с краткой ненавистью вспоминала Антошечку с сейфом. Но вечером за него молилась (в смысле, за Антошечку, а не за сейф).

Дочь пошла в частную гимназию, и Таня там же – учительницей литературы: даром, что ли, высшее гуманитарное получила?

Наняла Тамару Григорьевну варить борщ и складывать чистые трусы, поставила автоответчик от тоски слышать не тот голос и забыла мечтать о розовом платье от жадного Любимого.

Наконец неожиданно заработала крупную сумму. По-настоящему крупную – и потому жалкую. Позвонила Антону – торжествующе, сама:

– Посоветуй, куда вложить деньги...

Антоний помолчал, и вдруг:

– Я соскучился, Таня.

Вечером приехал. Четыре часа просидели на кухне – проговорили о деньгах. Тамара Григорьевна наготовила борщу три

литра, Таня во время разговора ела безостановочно от волнения.

На другой день Антоша позвонил сам, первый:

– Я, кстати, развелся и теперь свободный жених – делаю тебе предложение!

– Мне надо подумать!

Антон сделал Тане предложение, и Таня совсем замрачнела тучей. Потому что потому, и жалкие деньги, и где ж ты раньше годы и годы был. Закусила в кровь бескровные губочки.

– Даю неделю на размышление, Таня!

Поехали покупать розовое платье. Свадебное.

– На это ты, Таня, еще не заработала, и на это тоже, – говорил Антон. – И вообще тебе стоит похудеть, а то ни в одно не влезешь!

Дорогая Таня пригласила на дом дорогого тренера, стала худеть в физических упражнениях.

А тут и поэт принес долг – прямо в гимназию, во время перемены, перед уроком литературы.

Похудевшая Таня, в новом уже сарафанчике за 150 долларов, подбоченилась и блеснула зубками, предвкушая.

Поэт вдруг заплакал:

– Я на тебя смотреть не могу, вот что. И не буду.

Отдал деньги и ушел.

Вечером пришел Антоний, прикованный к сейфу, измученный управлением в банке; они легли с Таней молча, обнялись и замерли, не желая говорить – ни о любви, ни о чем бы то ни было.

И это было лучше всего.

Остановились.

Таня отводит пылких подруг в церковь. Рассказывает смешные истории из жизни озеленителей. На вопрос «выходишь ли ты замуж за Антошечку» отвечает «не факт». На Антошечкины звонки бросает трубку. Знакомится то с рокером в метро, то с новым первым поэтом, а то и сама пишет стихи ближе к рассвету. Жизнь далеко не кончилась.

Дочь учится в гимназии. Поэт курит по утрам и по вечерам на кухне вместе с разукрашенной женой из России очень даже акмеиста Мандельштама.

Антошечка обнимает сейф и, хотя в церковь не ходит, жертвует бедным суммы по Таниному наущению.

...Потому что хочется другого, но прежде всего себя, истинного; и любви нет – или есть, но кто ее, небесную и земную, разберет. Жизнь медленно поворачивается наподобие большого неба вокруг невидимой точки, всего лишь, но – поворачивается.

И смерти так уж точно никак нет, хотя к ней и готовишься.

«Чудо – всякое явление, кое мы не умеем объяснять, по известным нам законам природы», – из Толкового словаря живого великорусского языка Владимира Даля, 1882 год издания.

Выдох.

Росомаший бег.

Взмах журавлиного крыла.

Идущий снег.

Перелист книги.

Ритм.

Вдох. –

стишок настоящего самурая, предполагающий предметы, движение и основную цель.

Джейран Багандова

* * *

Рассыпало небо бисер,
Сияньем цветным играя,
Повис колыбелью в выси
Брат-месяц, закат качая.
Стрелец мой, тебе не спится,
Твой взор выбирает жертву,
А мне б обернуться птицей,
К тебе долететь по ветру.
Самой стать твоей добычей
В обманчивой звездной бездне,
И в жизни моей привычной
Зажглись бы надежды свечи.
Стрелой в груди летела б,
И счастьем глаза б искрились.
Я птицею стать посмела,
Забыв, что душа без крыльев.

* * *

Сяду я за стол, как в восемь лет,
Чтоб нарисовать весь белый свет.
Вот мой дом с коричневым ребром —
Он такой уютный этот дом.
Почему-то в нем одно окно —
Солнцем занавешено оно.
Рядом, как положено, гараж.
(Потрудился серый карандаш)

Там, внутри — отцовская «Ока»,
Но за руль я не сажусь пока.
Справа роща и утиный пруд,
Где меня с утра кря-крята ждут.
Слева трехколесный велик мой,
(Говорят, я для него большой)
Кошка вся в сиреневых лучах —
Перепутал цвет я сгоряча.
И прозрачной краски не нашел —
Потому, зеленый дождь пошел.
Облака все в синих васильках,
Желтая луна на облаках...
В общем, у меня сегодня здесь
Утро, ночь... и осень сразу есть.
«Белый свет» какой-то весь цветной,
Но такой любимый и родной.
И сегодня все отдать я рад,
Чтоб вернуться в этот мир назад.

* * *

Ваза с розами слушает расставание.
В прошлом —
Грезами сотканное свидание.
Где-то есть ты —
Строчкой почти пунктирной...
Безответна
Наша любовь фиктивная.
День, как день.
Ночь, как ночь —
Все обычное...
И опять не сбылось
Счастье личное.

* * *

И если ей скажут,
Что это конец,
И небо устало,
Не будет на фото разбитых сердец —
Конец был сначала.
О чем же писать,
Если не о былом,
Где чувства не в моде...
Теперь ее тексты совсем о другом —
Они о свободе.
Свободе дождя,
Что навзрыд истерит,
Не прячась прохожих.
Свободе огня,
Что солнцем палит
И жжет все, что гложет.
Свободе ночей,
Что могут менять
На черное — белый.
Теперь ты ничей,
И все, что могло,
Уже отболело.
Осыпался сад,
И если глазам —
Ковер, а не скука,
То значит, утих
Парад мелодрам,
И кончилась мука.
Нам праздновать день,
Что свеж и холен,
В отместку погоде...
И только теперь,
Когда не влюблен,
Ты, правда, свободен.

* * *

Иногда бог сочиняет от скуки.
Вот сидит и чай пьет со сладкой ватой,
А внизу дробятся электрзвучки
И мотают лишние киловатты.
Я придумана им в плаксивый вечер,
Потому все дороги мои размыты,
Потому даже наша с тобою встреча
Вся насквозь параллельностями прошита,
И никак не столкнемся — все время мимо.
Бог тебя подарил другой — зачем мне

Талисманом в груди хранить твоё имя,
Словно это мое предназначение.
Для чего возвышать мне тебя над всеми,
Расчищая ступени к твоим успехам,
И скользить едва уловимой тенью,
Чтоб не стать никогда и нигде помехой.
Почему, продрогнув в глухой печали,
Шаль обид набрасывая на плечи,
Я улыбкой счастья тебя встречаю
И кажусь уверенной и беспечной.
Ну, признай — без света тебя б забыли —
Я же сердцем своим зажигаю свечи,
Чтобы видели, помнили и любили.
...Я справляюсь.
Ты можешь гордиться, Вечный.

* * *

Ты так близок
И вновь не мой...
Безнадежно чужой художник.
Не случится картины той,
Где целуется с солнцем дождик.
Я так знаю все наперед,
Весь сценарий любовных бедствий,
Вот поэтому не поет
Мне гитара ночами песни...
Вот поэтому, стиснув зубы,
Заглушая слезами воду,
Я во сне тебя мучить буду,
Чтобы жизнь не казалась медом.

* * *

Мне снился сегодня сон:
Я знаю тебя давно.
Ты в кресле.
Открыт балкон.
Восторженно ждет вино.
Пьянит аромат мимоз.
Нетягостна тишина.
Ты рядом, но в теле дрожь —
Так сладостна мне она.
Ты просто со мной молчишь,
Но слышу я столько слов!
Мне снился сегодня сон.
Вещий.

Евгения Коробкова

Сказки народов мира

Что льется в мое правое ухо,
 Что льется в мое левое ухо, –
 все бессмысленно и одинаково дико.
 Я не знаю, как ты,
 ну а я хожу на прессухи
 исключительно с целью
 бесплатно поесть клубнику.
 То ли из-за того, что деньки подступают летние,
 То ли это совести у меня все меньше,
 а по прессухам хожу все чаще.
 Но дичь, несомая там, все несусветнее.
 А клубника бесплатная – слаще и слаще.

Письмо

Здравствуй, Лиза.
 До свиданья, Лиза.
 Вот и все. Спасибо за беседу.
 Мне сегодня утром дали визу.
 Это значит, скоро я уеду.
 Было все бессмысленно и криво,
 Но была, была одна отрада.
 Хороши и свежи были сливы –
 Сливы из чиновничьего сада.
 Не печалься, крыша над тобою,
 И в окне еще такое лето.
 Крутится ромашковое поле,
 Целое ромашковое поле.
 Жди ответа.

Асель

Посвящается Асель Аяповой

Асель –
 глаза черные, узкие.
 Не снимая баула с плеча,
 Застыла
 На улице.
 «Вы говорите по-русски?»
 Люди толкают, хмурятся.
 «Анча-мынча». –
 «Опять из Бишкека...»
 Понаприезжают...»
 Крутится злая, пестрая карусель
 Вокруг человека.
 Но городу ты, Асель,
 Уже не чужая.
 Но городу ты, Асель,
 Уже не киргизка.
 Он не спросит: «Зачем ты сюда?
 Думаешь, нам тут сладко?!»
 Он разглядел тебя близко-близко,
 Когда,
 причесанная гладко,
 Забыв баул и адрес свой,
 Ты замерла, как Ленинградка*,
 Ошеломленная Москвой.

* Ленинградка – Ленинградское шоссе, на котором всегда пробка.

* * *

Посвящается Н. М.

За спиною дышит ерунда.
Все пройдет и больше никогда.
В парке клены. Небо голубое.
Не фугас, не бомба, не гроза.
Излучают детские глаза
Этот странный мир перед собою.

Мы прошли по парку, как отстой.
С чем боролись в жизни? С пустотой.
Стопка фотокарточек пылится.
Шум дождя и колокола боль.

Он, она и даже мы с тобой –
Ничего не значащие лица.
Посмотри на снимки. Ты поймешь.
Смерти нет. Ты больше не умрешь.
Существует правило простое.
Мы живем. Ведь каждого из нас
Кто-то в детстве подхватил и спас –
Перед тем как стать нам пустотою.

Тверская

В этой жизни надо как-то жить
В этой жизни надо как-то смерть.
И куда ни выберешь смотреть –
всюду виновато государство.
Ходят крысы утром по Тверской,
ходят люди, мучаясь тоской,
ходят тетки с надписью такой:
«Помогите сыну на лекарство».

У стены «Макдональдса» стоит
Улыбаясь, модный инвалид.
У него обрубок от ноги,
В левом ухе у него сережка.
У него написано вот так:
«Помогите
на
бигмак».
Все читают, замедляют шаг,
И дают немножко.
Вот слепая девочка поет,
Только ей никто не подает.
Выбирает на Тверской народ:

ей – не буду, инвалиду – буду.
Потому что, если не фигня:
Из бигмака вырастет ступня.
Вот сейчас, посередине дня,
Будет чудо!

Памяти Джимбинова

1.
Все живо: солнце и трава
И даже смерть, она жива
И в смерти в смерть не верьте.
Она похожа на пчелу,
И ты узнаешь, что к чему
В пчелином танце смерти.
В пространстве между «нет» и «был»
От «столбыластв» до «дырбулщыл».

2.
Смолоть кофебинов,
Залить молоком –
Так смерть отступает с утра.
Стал книгой Джимбинов.
Стал Замза – жуком
Сестрою осталась сестра.

Быль

Ада шла по снежной каше –
В горку, с горки, по мосту.
И несла кастрюльку хаши,
И гремела за версту.
Шла по снежной каше Ада
В трех минутах от беды,
Отнести кастрюльку надо
В некий дом у Мтацминды.
Шла война, летели пули,
Падал снег
И неспроста
«Гого, гамоштеребули, –
ей кричали с блокпоста. –
Моди, моди...»
Неизвестно,
Что еще...
Ну а потом
Ада стала мокрым местом
На мосту
Сухом.

Верлибры

Мария Разбежкина о Геннадии Айги.

Отрывок из интервью

Знаете...
У него была
Невероятная голова,
Идеальная форма.
Он сам невысокого роста, но столько женщин,
Столк красивых женщин в него влюблялось...
Потому-то на голову эту нельзя было просто,
Просто смотреть, без ощущения счастья.
Он поразительно слушал.
Я удивлялась:
Мы говорим монологи, не слышим друг друга.
В вечность, в планеты, в пространства,
Но даже соседи:
Жены, мужья – нас не слышат,
ведь все собеседники наши
Свой монолог произносят.
Он поразительно слушал.
Прекрасноголовый, мудрый.
Чувствуя русскую речь, как пейзаж, как равнину.
Я говорила, он слушал. Я говорила, он слушал.
Я говорила...
Я не хотела его отпускать
Слишком много
Он для меня слишком много
Значил,
Геннадий Айги.
Верующим легко. Они знают,
что встретятся позже.
Я – атеистка, я же –
С ним навсегда.

Мадонна

Торфяники горели под Москвой
Уже которую неделю.
А в Яндексe висела
фраза дня:
«Была жара, леса горели, нудно».
И город опустел,
но под землей,
в дыму,
в аду
на Баррикадной
толпились полчища.

Калеки
среди них,
Надетые на палки, как торшеры,
трясли табличками
и проклинали все...

Но было бы еще страшнее,
Только
В окне билетной кассы,
как в иконе.
Огромные печальные глаза,
На бейджике:
«Мадонна».

Поэзия

1.
Это Игорь Владимирович Вишев –
слепой старик,
катающийся на лыжах
в парке Гагарина.
Чтобы зрячая жена
не отстала и не потерялась,
Он привязывает к затылку
фонарик.

2.
Весна
Новодевичье
У Марии Грановской
Члена КПСС с 28 года
Свили гнездо скворцы

Айпэд журналиста

* * *

В Москве погибли вязаи и ясени...
Клены жрет азиатский усач с бонсаев...
Зачем Большую книгу дали Яхиной...
Доллар вырос на наших глазах, как Гарри
Поттер.

* * *

Давай-давай-давай-давай
Пошли-пошли-пошли-пошли
Идем-идем-идем-идем
Автобус наполовину полон, но что-то не катит.

Из собрания Музея истории города Махачкалы